

ЭТО НАСТОЯЩАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА,
ПОЛНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТИ И ТАЙНЫ.

Barnes&NobleSFF.com

ГАРЕТ Л. ПАУЭЛЛ АРСЕНАЛ НОЖЕЙ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Звёзды новой фантастики

Гарет Пауэлл
Арсенал ножей

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пауэлл Г. Л.

Арсенал ножей / Г. Л. Пауэлл — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-19189-1

Мраморная армада, возложив на себя миссию создать условия для мирного существования всех галактик, приступает к активным действиям. Чтобы устранить первопричину военных конфликтов, ей необходимо любыми способами тотально уничтожить вооружение человечества. Руководить операцией призвана поэтесса Она Судак – в прошлом капитан Аннелида Дил, убийца мыслящих джунглей Пелапатарна. «Я прошла через огонь, и он выковал меня крепче и резче прежней. Я стала закаленной сталью, сверкающим клинком с обостренным интеллектом поэта». В это время из Интрузии – области космоса, где прорвано пространство высших измерений между двумя реальностями, – в мир проникают чудовищные монстры. Смертельная опасность угрожает людям и кораблям со всех сторон. Чтобы выжить, нужно постичь тайну Интрузии... Вторая книга трилогии, которая началась романом «Угли войны». Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19189-1

© Пауэлл Г. Л., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гарет Л. Пауэлл

Арсенал ножей

Gareth L. Powell

FLEET OF KNIVES

Copyright © 2019 by Gareth L. Powell

This edition published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© Г. В. Соловьева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Это настоящая космическая опера, полная неизвестности и тайны... но именно гуманность видения Пауэлла делает его роман чем-то особенным.

Bornes&Noble.com

Прекрасное сочетание техники и человечности... с элементами сегодняшнего дня и логически проецируемого далекого будущего...

New York Journal of Books

Изящно выстроенная фантастическая история, красиво написанная и мастерски рассказанная.

Booklist (аудиообзор)

Эмоционально напряженный взгляд на жизнь в далеком будущем, раздираемом войной... Темп повествования быстро набирает обороты... и приводит к взрывному финалу с сильным потенциалом серии.

Publishers Weekly

Интересные и острые межзвездные сюжеты и проблемы, а также неотразимые персонажи...

Tor.com

Умная, смешная, трагическая космическая опера, которая демонстрирует остроумие Пауэлла, его привязанность к персонажам, навыки построения мира и непредсказуемые повествовательные изобретения.

Locus magazine

* * *

Гарет Лин Пауэлл

Родился в 1970 году в Великобритании, живет и работает в Северном Сомерсете. Он изучал писательское мастерство в Гламорганском университете и приобрел популярность как ведущий и оратор на литературных собраниях и конвентах по всей стране. Триллер Пауэлла «Ask-Ask Масаке», написанный в жанре альтернативной истории, получил в 2013 году пре-

мию Британской ассоциации научной фантастики (BSFA), дал два продолжения, а в 2016-м был включен в шорт-лист японской премии «Seiun Awards» как лучший переводной роман. Рассказы Гарета публиковались во множестве журналов и антологий, а его рассказ «Ride the Blue Horse» вошел в шорт-лист премии BSFA за 2015 год.

Помимо художественной литературы, Гарет приложил перо к серии британских комиксов «2000 н. э.», он сочиняет тексты песен для инди-электро-группы, пишет статьи и обзоры для «The Irish Times» и «SFX».

* * *

Посвящается Эдит и Винтер

Здесь танца нет, здесь только танец¹.
Т. С. Элиот

¹ Из поэмы «Бёрнт Нортон», цикл «Четыре квартета».

Пролог Сал Констанц

– Я почти добралась.

Мое восхождение на вершину началось еще в предутренней мгле. Тонкие пальцы ветров пустынного Высокогорья норовили сорвать с меня накидку. Спасаясь от вихрей песка и пепла, я обмотала рот и нос шарфом, а для защиты глаз от слепящего света надела темные очки.

– Знаю, – прозвучал через имплантат в правом ухе голос «Злой Собаки». – Отслеживаю твою позицию и жизненные показания.

В ее тоне я расслышала нетерпеливые нотки, но ответить не хватило дыхания. Храмы Высокогорья стояли на внушительной столовой горе, возвышавшейся над засушливой равниной, и единственная дорога к ним вела по высеченным в ржавой скале ступеням.

– А все-таки, мне кажется, быстрее было бы посадить тебя прямо на плато, – добавила «Собака».

– Ха! Запрещено, ты же в курсе.

За тысячелетия сухостей, песок и бесчисленное множество ног – не только человеческих – отполировали каменную лестницу. У меня от подъема уже горели мышцы и легкие.

Между двумя трудными вдохами я выговорила:

– Кроме того, тогда весь смысл пропадает. Восхождение по склону усиливает переживание.

Путь занял три часа. Накануне я заночевала в палатке у подножия и вышла в зябких предрассветных сумерках, чтобы достичь вершины, пока полуденный зной не добавил мне жару.

– Тебе виднее, – буркнул корабль.

Среди известных людям памятников иных цивилизаций храмы Высокогорья были одними из старейших и считались бесценным духовным и археологическим сокровищем. Но я так высоко лезла не только затем, чтобы полюбоваться на стены из выщербленного песчаника.

Я отстегнула и сбросила рюкзак. Рядом с этими допотопными руинами собственные проблемы представлялись мне мелкими и преходящими, а волнения – напрасными и пустыми. Присев на корточки возле рюкзака, я достала из бокового кармашка черную розу на длинном стебле. Шелковистые лепестки затрепетали на ветру.

– Еще пара шагов налево, – подсказала «Злая Собака».

Она сейчас бездельничала на парковочной орбите в сорока тысячах километров над пустыней, но ее датчики позволяли разглядеть и разметить поверхность с микронным разрешением.

Я чуть сдвинулась в сторону.

– Здесь? – И посмотрела под ноги.

Пятнадцать лет назад, когда война Архипелага только разгоралась, на этом месте при защите спуска по огромной каменной лестнице была убита сержант-канонир Грета Новак. Тактические компьютеры, мониторившие ход боя, сохранили ее точную позицию в момент смерти. Но полтора десятилетия спустя не осталось никаких примет, ни пятнышка на голых, выскобленных ветром камнях.

– Ты уверена? – усомнилась я.

– Уверена.

– Хорошо.

Я достала из кармана портрет Джорджа Уокера, бывшего медика «Злой Собаки». Он погиб при попытке спасти экипаж сбитого корабля-разведчика. В тот раз я пренебрегла оценкой опасности местной фауны, а он заплатил за мою оплошность жизнью.

Рукавом я стерла со стекла пылинки и следы прикосновений. Старинная рамка из литого серебра казалась достаточно тяжелой, чтобы ее не сдуло высотными вихрями. Фотография была сделана в лазарете «Злой Собаки» во время войны Архипелага – до того, как корабль подал в отставку и присягнул Дому Возврата. Джордж в ярко-оранжевом комбинезоне военного медика выглядел на снимке моложе, чем я его помнила. Волосы еще не совсем поседели, морщины не такие глубокие. Но его улыбку нельзя было не узнать.

Встав на колени, я прислонила фото к обветшалой красной каменной стене под таким углом, чтобы первые солнечные лучи каждое утро освещали это лицо. Кончиком пальца провела по портрету вдоль линии скулы. Сухой ветер разметал полы моей накидки. На западе еще виднелись три из пяти лун планеты – зависли, как бледные зеваки.

– Прости, Джордж.

Других слов я не нашла. Поднесла розу к закутаным губам и положила у рамки, прижав стебель булыжником размером с кулак.

Грете Новак мне сказать было нечего. Я ее не знала. Она погибла здесь, и ее найденное, однако не востребованное никем тело было разобрано на органы и стволовые клетки. Осколки порвали ей сердце и легкие, но почки, печень и селезенка спасли жизнь троим ее раненым товарищам. А стволовые клетки были переданы на флотскую фабрику в дюжине световых лет отсюда, и год спустя из них вырастили органические процессоры – мозги – для стаи боевых кораблей класса «хищник», в которую вошли шесть крейсеров: «Злая Собака» и ее родичи.

Роза была благодарностью от «Собаки», как фотография – моим прощанием с Джорджем.

Близился полдень. Я неудобно лежала в тени храмовой стены, подложив руки под голову, на жестких камнях, вычищенных пустынным ветром. Ворочаясь в поисках комфортной позы, я заметила горячее марево над краем плато.

– И что дальше? – скучающим тоном произнесла «Злая Собака». – Спускаться тоже будешь пешком?

– Для начала дождусь прохлады.

– Ну и сколько ее ждать?

– Пару часов.

– Ты точно не хочешь, чтобы я тебя подобрала?

Я улыбнулась под прикрытием шарфа:

– Совершенно точно, спасибо.

Обе мы знали, что руины находятся в центре невидимого купола запретной для полетов зоны. Да и, сказать по правде, я радовалась одиночеству. После событий в Галерее нас на некоторое время отстранили от работы. Вот и это путешествие было задумано как эмоциональная разгрузка.

После боя нас загнали в карантин, пока врачи не признали, что мы не стали нечаянно носителями инопланетной заразы. Даже «Собаке» провели профилактику, что называется, «с носа до кормы». Убедившись, что мы не опасны с точки зрения медицины, старейшины Дома устроили нам подробный допрос. Наши показания и сделанные кораблем записи событий процедили мелким ситом: начиная с сигнала бедствия, посланного с лайнера «Хейст ван Амстердам», до явления миллионной Мраморной армады и моих действий, приведших к роковому убийству адмирала флота Конгломерата прямо в рубке его корабля.

На протяжении всей своей истории Дом Возврата был вне политики, занимаясь исключительно сохранением жизни и помощью терпящим бедствие космическим скитальцам. Неуди-

вительно, что старейшины Дома не пришли в восторг, поневоле оказавшись в средоточии величайшей после войны Архипелага военной и политической передраги.

Нас неделя за неделей подвергали перекрестному допросу, физическому обследованию и всевозможным анализам. «Злая Собака» вернулась из того дальнего мавзолея во главе чужого флота, превосходящего даже объединенные силы человеческой Общности. На старейшин давили со всех сторон, требуя выяснить, каково влияние «Собаки» и ее команды на маневры и намерения армады.

Мы как могли ответили на все вопросы. И когда «Собака» непререкаемо заявила, что уходит, у Дома Возврата хватило благоразумия с ней не спорить. Тяжелые крейсеры класса «хищник» – строптивые зверюги, а эту конкретно недавно предал брат, и она вынуждена была его убить.

Легко забывается, что в сердцевине корабля таится человеческий разум. Сто семьдесят два метра в длину, весом десять тысяч тонн – они грозные боевые орудия. Но за ракетными установками, торпедными аппаратами и гроздьями датчиков понемногу набирала силу способность к человеческим переживаниям. Да, три четверти мыслительных операций производилось искусственными процессорами, однако кремний уже не в состоянии был сдерживать бушующее в клонированной коре мозга горе и чувство вины.

Она убила брата. Да, при самозащите, но от этого не становилось легче.

А мне? Я отдала приказ убить человека. Да, спасая его команду от безнадежной войны, но все равно я ощущала себя палачом.

Нам обеим нужно было время примириться с тем, что мы сделали, и еще – сказать «прощай» погибшим товарищам.

Старейшины Дома скрепя сердце предоставили нам оплачиваемый отпуск. По чести сказать, мы его заслужили.

Я лежала в тени развалин, смотрела в небо и думала о Джордже, о войне, о тех, кого мы потеряли. И о том, что внутри себя мы изъязвлены накопленной в жизни болью, как астероид – щербинами и бороздами от хлестких ударов ледяных потоков межзвездной пыли.

Что такое честь?

Командуя в годы войны медицинским фрегатом, я много говорила с ранеными солдатами – мужчинами и женщинами. Иногда со смертельно ранеными. Ослепшие, скрипящие зубами от боли, они сжимали мою руку и спрашивали, верю ли я, что они не посрамили своей чести. Для них честь равнялась отваге: почетное ранение означало, что они без страха встретили врага, что были не просто пушечным мясом, а вели себя так, чтобы их родные могли утешиться их подвигом, сознанием, что эти люди оказались достойны ценностей, за которые воевали.

А для меня честь всегда означала другое. Более высокое и более личное. Моя прапрабабка вписала это определение в основополагающие документы Дома Возврата: «Отвага состоит в том, чтобы заставить себя простить, даже когда каждый нерв вашего тела вопиет о мести».

Для меня честь – в такой отваге, в волевом решении поступать правильно, пусть и вопреки собственным интересам. А по таким понятиям командование Конгломерата в битве Пелапатарна обесчестило себя. Встав перед выбором: поражение или уничтожение древнего уникального мира с миллионами разумных деревьев, – они предпочли второе. Выбрали зло, потому что оно отвечало их насущной нужде. Те деревья вырастали и умирали в течение немыслимых тысячелетий, и продолжительность жизни каждого была длиннее срока многих земных цивилизаций. Их убийство стало святотатством. Геноцидом ошеломляющей близорукости. На мой взгляд, позор разделяли все: от отдавших приказ генералов до командующего флотом Конгломерата, который, в свою очередь, передал распоряжение капитанам, превратившимся в палачей. Я винила всю иерархическую цепочку: от капитана Аннелиды Дил до отдель-

ных неназванных кораблей в ее ударной группировке. Будь у них крупница чести, они бы свою жизнь положили, чтобы не принять участия в непростительном варварстве.

Когда совершилось это преступление, я находилась в системе, но мой фрегат получил приказ оставаться на позиции вместе с другими судами поддержки – на орбите вокруг большей из двух пелапатарнских лун. Нам оставалось только ужасаться, глядя на возникшие виды горящей планеты и тотальную, неимоверного масштаба смерть.

Я поступила во флот Внешних после гибели родителей. Поступила, желая выйти из тени семьи, особенно прапрабабки. Но уничтожение Пелапатарна изобличало тиранию, а я не могла служить организации, посвятившей себя насилию, – каким бы оправданным или неоправданным, каким бы «благородным» оно ни было. Я ушла в отставку. Сдала медицинский фрегат помощнику и подала заявку в Дом Возврата.

Вставая под их шестнадцатиконечную желтую звезду, под девиз «Жизнь превыше всего», я не сомневалась, что проведу остаток дней с настоящей честью – той честью, что идет от сочувствия и прощения, а не от расчетливой жестокости.

Я пробудилась через два часа, вся разбитая после долгого лежания на жестком, и удивилась, что проспала так долго. Видно, подъем на обрыв дался мне трудней, чем казалось.

– Приветствую. – Голос «Злой Собаки» неожиданно наполнил меня ощущением заброшенности.

Зачем я здесь, на голых камнях, в сотне световых лет от родины? В сотне световых лет от могил родителей и бог знает насколько дальше от замороженного тела единственного любимого мужчины.

– Как спалось? – спросила «Собака».

Протерев глаза, я приподнялась на локтях. Ветер был теплым, но уже не обжигал дыханием печки, как в полдень.

– Как нельзя было и ожидать, – ответила я, садясь; в поясице что-то хрустнуло, и я сдержала стон. – Ты почему меня не разбудила?

– Подумала, ты не прочь отдохнуть.

Я заморгала от удивления:

– Необычная для тебя забота. Знай я тебя не так хорошо, сказала бы, что ты взрослеешь.

Собрав вещи, я направилась обратно к лестнице. На подходе к ней увидела кучку туристов, выезжающих на край плато на ослах. Они поднимались в самый зной и все раскраснелись, пыхтели под своими широкополыми шляпами. Заметив меня, заулыбались с братским чувством альпинистов, повстречавшихся на горной вершине. Пока они слезали с седел, мы обменялись вежливыми замечаниями о жаре, крутизне подъема и отсутствии перил в опасных местах.

– Вы из Дома Возврата? – спросил один мужчина.

У него были густые усы, и держался он как военный. Я оглядела свое просторное одеяние, гадая, как он узнал. Потом вспомнила о застежке накидки: с рельефной шестнадцатиконечной звездой Дома на бронзовом поле – и потеряла ее пальцем.

– Да.

– Мы видели на орбите ваш крейсер. – Он указал в непрозрачное небо пустыни, и я едва утерпела, чтобы не взглянуть туда же.

– Верно, – признала я, – она со мной.

Мужчина кивнул, вероятно понимая сложность отношений с грозным боевым кораблем, который я звала и сестрой, и домом.

– Она ведь из «хищников»?

– Списана.

– Я так и подумал. – Он постучал себя пальцем по выпуклой груди. – Восемнадцать лет во флоте Конгломерата. Боевые действия в системе Шарлотты.

Усатый так явно гордился, так был доволен собой, что я не смолчала:

– А мне выпало побывать у Пелапатарна.

Он сразу сдулся.

– Сражались у Пелапатарна?

– Командовала медицинским фрегатом.

– Правда? – Он подался ко мне, не скрывая восхищения. – Действительно было так страшно, как рассказывают? Я имею в виду сражение.

– Хуже.

Вдаваться в подробности у меня не было сил. Есть вещи, которые не передать словами. Разгром сил внешников при Пелапатарне был невыразимым зверством. К счастью, мужчина вроде бы и так понял. Мы оба устали в пыль под ногами, вернувшись на время каждый в свою память о войне.

Остальные туристы уже шли к руинам храма. Усач выдавил улыбку.

– Приятно было познакомиться, капитан. – Он отдал мне честь. – И рад видеть, что еще остались корабли с человеческим экипажем.

Я в легком смятении ответила на салют. Мне уже не терпелось начать спуск. Я вся была липкой, не помешало бы принять душ и выпить чего-нибудь холодного. Но последние слова собеседника меня озадачили.

– С человеческим экипажем? – переспросила я, ведь такой был на всех кораблях, кроме только... – Вы о Мраморной армаде?

Его улыбка стала недоброй. Он отхаркнул и сплюнул в пыль.

– Проклятый флот вторжения, я вам скажу.

– Разве?

Мужчина явно не имел представления о моей роли в пробуждении армады из тысячелетней спячки.

– Они до сих пор не проявляли никакой враждебности, – заметила я.

Насколько мне было известно, армада разместилась на краю системы Камроз и сейчас обсуждала со старейшинами Дома средства к наилучшему исполнению своей миссии – предотвращению любых конфликтов масштаба войны Архипелага. Я так и пояснила, но умиротворить моего нового знакомого оказалось непросто.

– А что мы о них знаем, – пыхтя и потя, твердил он, – кроме того, что они пережили расу своих создателей, а теперь явились к нам с предложением помощи?

Конгломерат всегда был замкнут и с подозрением относился к иным видам. Меня, бывшую внешницу, эти их взгляды в глубине души откровенно раздражали.

– Они не проявляют враждебности, – повторила я.

Усач покачал головой, дивясь моей наивности, и ткнул себя пальцем в грудь:

– Ну, лично я им не доверяю. И вам не советую.

Часть первая

Душа Люси

Способность вселенной очаровывать и устрашать не знает предела.
София Никитас

Глава 1

Джонни Шульц

Атака застала нас в высших измерениях – застала врасплох. Я допоздна засиделся за картами с Сантосом и Келли и как раз возвращался из кают-компания в рубку, тараща мутные от недосыпа глаза, когда «Душа Люси» завалилась набок и здорово шмякнула меня о переборку.

Я приземлился на спину под трапом. Ушиб левое плечо и ободрал правое бедро. Старинную кожаную куртку пилота, которую нес в руке, выронил от удара о стену и еще как-то умудрился рассадить себе лоб. Потрогал – пальцы стали липкими и красными.

– Эй, – гаркнул я в сторону кают-компания, – это что сейчас было?

Мерцала, пытаясь вернуться к предписанному уровню, гравитация – компенсировать такой дикий маневр ей не удалось.

В люке надо мной появилось лицо Вито Аккарди.

– Нас что-то стукнуло, шеф.

Зажимая одной рукой ссадину на лбу, я подобрал куртку и встал на ноги.

– Да ну, кроме шуток? – спросил я, взявшись за стену; гравитация шалила, а мне не хотелось пострадать от нового удара. – И как же это? Нас что, обстреляли?

Вито, глянув на меня круглыми глазами, покачал головой:

– Не знаю. Но ты бы поднялся сюда.

«Душа Люси» – торговое судно средней величины, рассчитанное, согласно лицензии, на доставку ста шестидесяти тонн груза к мирам Общности. В длину триста метров, поперек – сто пятьдесят. В профиль корабль похож на крепкое, солидное трехгранное зубило: нос тупой, на корме обрубки дюз. Он в свое время сменил много хозяев и исходил Общность из конца в конец, от самой Земли до Звездного Обода и Хвоста. В сечении судно треугольное, с закругленными углами, разделено на три уровня. Большую часть нижней палубы занимает груз, а остатки этого отсека отданы запасам горючего и двигателям. На средней палубе обитает команда, тут же каюты для пассажиров, тесный камбуз, ремонтные мастерские и склад оборудования. Маленькая верхняя палуба почти целиком отведена под рубку, но еще там уместился главный пассажирский шлюз и небольшая комната отдыха с видовым окном, потертыми кожаными креслами и ползучими растениями с бурыми ломкими листьями.

Местные сплетни – я их как мог поддерживал – уверяют, что я семнадцатилетним сопляком, маленькой портовой крысой выиграл этот корабль в карты. Вранье, но на пользу моей репутации.

На самом деле я его купил, добавив к наследству после бездетного дядюшки солидную банковскую закладную, – до сих пор выплачиваю ее помесечно. За десять обычных и тыщонку световых лет я так заигрался в Счастливчика Джонни Шульца, что порой забываю, где правда, а где выдумка.

Я подтянулся по трапу, пролез в люк и оказался в рубке. Главный экран покрыт серым туманом наружного вида. На втором экране, поменьше, выведен компьютерный интерфейс «Люси» – озорная, с блестящими глазами девчонка, волосы цвета звездного света. Я бросил кожанку на спинку капитанского кресла и пристегнулся к нему, прежде вытерев о штанину измазанные кровью пальцы.

– Что нам известно?

– Мало, – ответил Вито. – Корабль ничего не видел.

Я обернулся к «Люси»:

– Ничего?

Девочка на экране поджала виртуальные губки.

– Показания датчиков без изменений, дорогуша.

За все эти годы я так и не привык, что малявка обращается ко мне, как старая бабуля. Но ее аватара была заморожена с момента подключения корабля, а разум, пока она десятилетиями таскала грузы по Общности, не переставал стареть.

– Что, никаких изменений температуры, массы и прочего?

– Обычный гипер, как всегда.

Я осторожно пошевелил онемевшим плечом.

– Вито?

Пилот нахмурился. Он, похоже, был не в себе.

– Нас что-то ударило.

– А ты не видел что?

– Оно заходило не с носа, – ответил Вито; над его губой, как бриллиантики, блестели капельки пота. – И корабль не видел...

– Ты уверен, что это был удар? А не взрывная декомпрессия, к примеру?

Мне пришло в голову, не рвануло ли что внутри, устроив нам пробойну в корпусе.

– Дорогуша, – вмешалась Люси, – все внутренние отсеки показывают нормальное давление. При этом я регистрирую серьезные повреждения обшивки правого борта. То, что нас ударило, определенно появилось извне.

Значит, несчастный случай, неисправность или диверсия исключаются.

Вито нервно утер губы.

– Пираты?

– В гипере? – Я покачал головой. – Не бывает. В гипере чужой корабль не отследишь. К тому же, окажись он здесь, «Люси» бы его увидела.

– Тогда что нас стукнуло? – спросил пилот, и мне показалось, он сейчас сорвется в истерическое хихиканье. – Гиперпространственное чудовище?

– Не дури.

Человеческий мозг запрограммирован эволюцией на высматривание таящихся в зарослях хищников, а столкнувшись с бесконечной пустотой высших измерений, склонен рисовать себе несуществующие картины и угрозы. Те, кто долго всматривается в колыхание здешних туманов, порой видят боковым зрением тени и воображают странных, небывалых зверей, снующих возле корабля, как волки вокруг костра.

Вито нервно хмыкнул:

– А что еще, шеф? Булжник? Или кто-то выкинул из люка пустую бутылку?

– Это вряд ли.

Чтобы удержаться в гипере, нужны работающие двигатели. Отключи их – и мигом вывалишься в нормальное обыденное пространство. Так что шанс наткнуться здесь на случайный космический мусор бесконечно мал.

Я вывел на экран показания наружных камер, но и на них увидел только обычную колышущуюся пустоту.

- У тебя на датчиках ничего? – обратился я к «Люси».
- Ничегошеньки, дорогуша.
- Хм...

Кося одним глазом на наружные экраны, я связался с помещениями команды. Ответила Рили Эддисон. В двадцать пять лет – длинные каштановые волосы и золотая серьга в правой брови – она была судовым суперкарго, заведовала погрузкой и разгрузкой, а также корабельными кладовыми.

- Что там? – спросила она меня.

– На ухаб наехали. – Я заметил, как она хмурится на мой окровавленный лоб. – Там все целы?

– В основном обошлись ссадинами и синяками. – У нее самой на щеке остался красный след от скользящего удара чем-то маленьким и тяжелым вроде летающей кофейной чашки или отвертки. – Только вот Чет в это время был в машинном. Его здорово побило.

- Как он?

- Похоже, поломал пару ребер.

Чет был нашим механиком. Драфф с блестящей чешуей, шесть конечностей, каждая по совместительству еще и лицо.

- Проклятье...

- Есть мысли, чем нам попало?

- Я еще разбираюсь. Эйб подавал голос?

Эйб – это наш кок. Он сейчас должен был готовить обед на камбузе.

- Он опрокинул кастрюлю себе на ногу.

- Цел?

– Нога распухла и сильно болит. Вероятно, у него еще и серьезный перелом в придачу к ожогу. Честно говоря, он больше расстраивается из-за погубленных спагетти.

Я улыбнулся:

- Ну, тут уж ничего не поделаешь. А что у Янсена с Монком?

- С ними пока не могу связаться.

– Попробуй снова. – Я потянулся к кнопке отключения связи. – Пусть Дальтон поможет вам чем сумеет, и проследи, чтобы все пристегнулись. Не надо нам больше травм.

Эддисон отмахнулась салютом:

- Есть, шеф!

Я целиком направил все свое внимание на наружные экраны. Пустота гипер меня никогда особо не беспокоила. То ли потому, что я с пятнадцати лет летаю и привык к завихрениям и щупальцам тумана, то ли я храбрее обычного. А может, у меня просто не хватает воображения слепить всякие ужасы на пустом месте. Так или иначе, мне смотреть в бездну не страшно.

– Выходим на цель через пять минут, – предупредил Вито и подключил интерком, чтобы голос разнесся по всему кораблю. – Команде подготовиться к прыжку в реальность. Четыре минуты сорок пять, отсчет пошел.

Пилотом числился он, но большую часть навигационных расчетов выполняла «Душа Люси». Человеческому мозгу без поддержки машины просто не справиться с вычислениями, необходимыми для прокладки курса в высших измерениях, а бросаться в гипер без расчетов – лучший способ навсегда пропасть без вести.

На наружных экранах ничего не менялось, и я попросил «Люси» их мониторить, пока сам напоследок уточню подробности касательно нашей цели.

Мы собирались перехватить старый нимтокский корабль поколений под названием «Неуемный зуд по чужим землям». Его соорудили из выдолбленного изнутри астероида в те времена, когда нимтокцы еще не открыли высших измерений, так что он уже десять тысяч лет провел в рейсе. Население его развалилось и вымерло задолго до подхода к пункту назначения,

а потому Нимток превратил древний корабль в памятник, выведя его на кольцевой курс. И теперь он кружил по их владениям в космической тьме, лишь раз в несколько столетий выходя на свет обитаемых систем.

По плану мы должны были пристыковаться к астероиду, вломиться внутрь и вынести оттуда все годное для продажи. Война Архипелага оставила обломки человеческих кораблей в десятках систем Общности. Мы уже пару лет подбирали с них уцелевшие материалы и запчасти. Но теперь стоящие находки стали реже, и нам потребовался новый источник дохода – пусть даже, строго говоря, противозаконный и с шансом нажать здоровенные неприятности, если нимтокцы когда-нибудь проведуют о наших делах. С их точки зрения, мы затеяли пиратский набег, но я предпочитал называть это спасением бесхозного имущества. «Неуемный зуд» много веков провел без команды и со впадшими в спячку системами, пока вся вселенная свистала мимо него через гипер, за пару дней покрывая расстояния, на которые он тратил десятилетия. Просто надгробие, летающая могила. А мы – археологи в поисках ценных древностей.

Во всяком случае, я уверял себя в этом, хотя на деле мы собирались вломиться и похватать все, на что глаз ляжет. Ни времени, ни настроения деликатничать у нас не было.

Вито прокашлялся и объявил:

– Четыре минуты пятнадцать.

Он начал сбрасывать тягу, готовясь к плавному переходу в нормальное пространство. Если «Люси» рассчитала верно – и если купленные мной координаты стоили своих денег, – мы вывалимся в пустоту в каких-то десятках километров от массивного дрейфующего булыжника под названием «Неуемный зуд».

– Четыре десять.

Я ухватился за ручки кресла и вознес безмолвную молитву всем богам, каким случится меня услышать. Если это дело сорвется, мне нечем будет расплатиться с командой, не говоря уже о заправке и снабжении корабля для следующего рейса. Да, мы рисковали разъярить иную цивилизацию и наших таможенников. Но если мы не сумеем как следует загрузиться и доставить товар на рынок, нам грозит застрять на грунте без работы.

– Три пятьдесят.

Я заново проверил крепления кресла. При переходе в нормальное пространство иногда трясет, а мне на сегодня хватило синяков. Я поудобнее подтянул ремни. Сердце уже стучало от предвкушения нового налета.

Еще три минуты, и...

Глядя на табло отсчета, я краем глаза уловил какое-то движение: почудилось, будто между клочьями тумана проскользнуло что-то черное. Когда я посмотрел на экран, оно уже исчезло.

– Корабль, что это было?

– Что «это», дорогуша?

– Что-то показалось по правому борту, всего на секунду.

– Мои датчики ничего не зарегистрировали.

– Вот, опять!

На этот раз оно возникло на носовом экране – тонкая черная полоска, виляющая сквозь сумрак в сотне-другой метров перед «Люси».

– Где?

– Вот! – Я ткнул пальцем в изображение, но та штука уже растворилась в тумане, и я обернулся к пилоту: – Ты-то хоть видел?

Вито выкатил глаза. Он изо всех сил вцепился в край своей панели. Хотел что-то сказать, но звук не шел. Тогда он с трудом сглотнул и неуклюже, испуганно кивнул. Значит, не галлюцинация – он тоже видел, значит это на самом деле.

Но аватара «Люси» по-прежнему хмурила брови:

– Боюсь, я ничего не улавливаю.

– А датчики у тебя работают?

– Я дважды перепроверила, – не без возмущения заявила она. – Диагностика показывает норму.

– Так задействуй посадочный радар, инфракрасный. Подключай все, что есть.

У меня бешено колотилось сердце, а в животе что-то трепетало. Я бросил взгляд на Вито.

Он снова обрел голос:

– Две минуты до выхода.

Я показал ему большой палец и отвернулся к экрану.

Опять оно!

Пространство исказилось, раздалось и выпустило его. Огромное немыслимое существо падало на нас стремительно, как атакующий сокол, прижав к телу бахромчатые черные крылья, разинув пасть и блестя клыками под светом звезд. Мне запомнились челюсти, усаженные алмазными зубами. Экран погас, и корабль швырнуло вбок.

Мгновение всех нас трясло в этих кошмарных челюстях. Потом мы полетели кувырком, а чудище струйкой дыма ушло вверх, заходя на новую атаку.

– Выход из гипера! – скомандовал я Вито сквозь заполнивший рубку сигнал тревоги. – Пока оно не вернулось – выводи сейчас же!

Его рука дернулась к управлению, и «Душа Люси» рухнула вниз. Какое там изящество – она продавила переходную зону между измерениями и кубарем выкатилась в нормальное пространство, пуская газ из дыр в правом борту. Пару секунд звезды тошнотворно плясали вокруг, а потом мы врезались в каменный бок «Неуемного зуда», как самодельный планер в горный склон.

Глава 2

Она Судак

Я смотрела в окно камеры, как бледнеет небо. Где-то за тюремной стеной пели птицы. Внизу на мощеном плацу в зыбком предрассветном мареве стояли, заряжая и проверяя винтовки, солдаты. Они переговаривались тихими мягкими голосами, и морозный утренний воздух доносил до меня их восклицания эфемерными струйками пара. Между ними и задней стеной выщербленный деревянный столб отмечал место, где через несколько коротких минут мне предстояло умереть.

Четыре года назад я под настоящим своим именем Аннелида Дил возглавляла флот, стерилизовавший Пелапатарн. Эта операция мгновенно и страшно остановила жернова войны Архипелага ценой нескольких тысяч человеческих жизней и гибели миллиардолетних разумных джунглей. И несмотря на то что я, позволив своим кораблям совершить это убийство, действовала согласно приказу, суд – под нарастающим давлением населения, уstraшенного огромным масштабом жертвы, принесенной ради него армией, – счел меня ответственной за разрушения и потери и приговорил к смерти в этой тюрьме в очередную годовщину заключения мира.

В моей голове вели поединок две половины моей личности. Та, которая когда-то под именем Оны Судак претендовала на звание поэта, бунтовала против несправедливости – смерти в этой жалкой тюрьме после всего, что я сделала и повидала. А та, что была Аннелидой Дил и пережила войну, с насмешкой спрашивала: «Почему бы и нет? Что в тебе такого особенного? Думала, у тебя предназначение? И мироздание не зря так долго тебя щадило? А знаешь что? Точно так же думали все погибавшие на всех полях сражений во все эпохи: каждый бедняк, восставший против несправедливого сеньора, каждый замученный голодом крестьянин, каждый скончавшийся в катастрофе, от болезни или по случайности... Все считали, что у мира на них свои планы, – и все ошибались. Потому они и умирали так дерьмово, безвременно, безнадежно – потому что отдельная жизнь ни черта не значит для хода истории, а у богов есть более важные занятия, чем заботиться о ваших жизнях».

Я смотрела, как солдаты вставляют свежие магазины. У них были карабины, как у меня в учебке: крепкое оружие всего из нескольких частей, главное достоинство – надежность и простота в обращении.

В камере за моей спиной кашлянул военный капеллан.

– Если хотите облегчить душу, сейчас, мне кажется, самое время.

Я отвлеклась от созерцания своих будущих палачей:

– Нет, спасибо.

Преподобный Томас Бервик был тучен и круглолиц, с большими добрыми карими глазами. Он носил черное церковное облачение и держал на коленях толстую, переплетенную в кожу святую книгу.

– У вас не будет другой возможности исповедаться, – сказал он, – и примириться со своими богами.

Мои кулаки сами собой сжались.

– Зачем? Облегчить совесть тех, кто меня приговорил?

Он сочувственно слабо улыбнулся и развел руками:

– Нет, дочь моя. Ради своей души.

Души? Я бы расхоталась, будь у меня на это силы.

– Вы видели, как умирают люди, падре? И не здесь, – я мотнула головой в сторону окна, – где это сравнительно быстро и чисто. А на поле боя, где их в скользкие клочья разносит артиллерийским снарядам и остается только вонючее месиво крови, дерьма и хрящей? Или в столк-

новении флотов, когда пробита герметизация и в оставшемся без атмосферы отсеке в легких вскипает кровь? Или когда наступят на мину, ноги отрывает по пояс, а кишки вываливаются в пыль? И умирают они не быстро и уж наверняка не спокойно.

У капеллана дернулся кадык – словно он проглотил отвращение.

– Нет, не могу сказать, чтобы видел.

– Ну а я там была. – Я понизила голос. – Я видела, как мужчины и женщины умирают такой жестокой и страшной смертью, какую вам и близко не вообразить. И вот что я вам скажу: не заметила в них ничего, кроме мяса, крови и жил. – Я постучала себя пальцем по виску. – Мы живем здесь, под костяной шапочкой, и только. Аварийного выхода на небеса не предусмотрено. Когда череп пробит пулей, бессмертная душа не выпрыгивает изо рта. – Я сердито передернула плечами и отвернулась к окну. – Кто мертв, тот мертв. Никакого бессмертия, никакого мистического белого света, просто темнота, забвение и вечность небытия.

Бервик помолчал, а потом произнес:

– Весьма безрадостная точка зрения.

Я мотнула головой. Солдаты внизу вставали по местам.

– Не в точке зрения дело, падре. А что до «безрадостной», так меня сейчас пристрелят, поэтому вы уж меня извините за недостаток обычной бодрости.

Далеко за тюремной стеной обозначилась черная точка. Она быстро скользнула на фоне рассветной полосы, чуть не задевая гребни холмов, которые в последние шесть месяцев ограничивали мой горизонт. Пару секунд я следила за ней, а потом потеряла из вида, когда она опустилась ниже уровня стены.

Я слышала, как проскребли по полу ножки стула, – капеллан тяжело поднялся.

– Осталось всего несколько минут, – отдуваясь, заговорил он. – За вами скоро придут. Не хотите сказать последнее слово? Передать через меня прощальное утешение друзьям или родным?

Мой взгляд был обращен на собственные руки.

– Скажите им, что я выполняла приказ. Скажите им, что я уважала военную дисциплину. И что в конечном счете я поступила так, как сочла за лучшее.

– Вы верите, что поступили правильно?

Мне вспомнились шесть тяжелых крейсеров класса «хищник», стреловидным построением входящих в атмосферу Пелапатарна и сметающих все на его единственном континенте. Я представила, как распускаются над джунглями взрывы их термоядерных боеголовок, как разгорается пожар, на много месяцев задушивший планету, и еще представила разбитые корабли на орбите, и дотлевающие древесные стволы, и обгорелые туши животных на грунте. Я представила ужас солдат обеих сторон при виде той бомбардировки – сплошной завесы атомного пламени, надвигающейся на них над деревьями, когда некуда бежать, негде укрыться. Оценили они принесенную ими жертву за те мгновения, прежде чем испариться в огне? Могли они понять, что их гибель означает немедленный конец войны, – и, если могли, нашли ли силы простить меня?

– Нет. – Мой голос охрип. – Я не то сказала. Я сказала в точности: «Поступила так, как сочла за лучшее». Тут важное различие...

– Да, я понял.

– Вы им передадите? – оглянулась я на него.

– Дословно.

– Спасибо.

Я снова повернулась к окну. Мое внимание привлек флайер – та черная точка, замеченная мной минуту назад. – Он поднялся над тюремной стеной, на миг завис в воздухе и опустился на плац.

– Ах, – проговорил Бервик сквозь визг его двигателей, – кажется, у нас посетители.

Он вытянул шею, заглядывая мне через плечо:

– Флайер, похоже, флотский. Вы кого-то ждете?

– Как знать? – равнодушно хмыкнула я.

После моего возвращения в Конгломерат для суда прежние наниматели совершенно не рвались со мной общаться.

Я отошла к деревянному столу, налила стакан застоявшейся воды из керамического кувшина и стала пить.

– Столько разных людей хотели бы видеть меня мертвой, и адмиралтейство среди них не последнее.

– Думаете, они явились посмотреть? – изумился капеллан.

– Стервятники слетаются.

Я поставила стакан на стол и одернула подол грубой тюремной блузы. Пригладила зачесанные назад волосы и поправила воротничок. Мне не разрешили выйти на казнь во флотском мундире, но это не значило, что мне нельзя достойно выглядеть. Если мерзавцы из адмиралтейства прибыли полюбоваться моей последней минутой, я готова. Я собиралась выйти из камеры, высоко держа голову, с прямой спиной и посланные в меня пули встретить с достоинством, лишив всех удовольствия увидеть меня сломленной и униженной. И если они надеялись на последние мольбы и оправдания, их ждет большое разочарование.

– Как я выгляжу?

Бервик оглядел мою тюремную робу. Глаза у него влажно блестели в свете единственной лампочки.

– Я бы сказал, как нельзя элегантно.

– Тогда я готова.

Я подтянула вниз манжеты и сжала зубы. В коридоре уже звучали приближающиеся шаги. Проглотив волнение, я напоследок кивнула Бервику и повернулась лицом к выходу.

Звякнул и скрежетнул ключ в замке, и облупленная, помятая дверь камеры шумно открылась. На пороге, заполняя собой проем, стояли двое. Я ожидала тюремных охранников, сопровождающих на казнь. Но эти люди были одеты в черную полевую форму и зеркальные защитные очки, а в руках держали пистолеты-автоматы.

– Это кто? – резко спросил один, указав стволом на капеллана.

Бервик удивленно вскинул брови:

– Я священник. Пришел утешить приговоренную. А что случилось? Вы кто?

– Не ваше дело.

Пистолет дважды щелкнул, и Бервик схватился за грудь. Святая книга выпала у него из рук.

Второй мужчина обернулся ко мне.

– Вы, – распорядился он, – идете с нами.

Пистолет щелкнул третий раз. Эта пуля попала капеллану в щеку. Голова его мотнулась в сторону, как от удара, и он свалился. Я услышала сдавленный стон. Он барабанил пятками по каменному полу и, кажется, пытался отползти от убийцы.

Четвертый выстрел пришелся в затылок, туда, где позвоночник сходится с черепом. После этого Бервик не шевелился.

Меня взяли за плечи, и я не сопротивлялась – позволила вывести себя в коридор. Стрелок шел за нами, задерживаясь у каждой камеры, чтобы пустить несколько пуль в кормушку – узкое оконце, через которое нам подавали еду.

– Что он делает? – спросила я.

Провожатый крепче сжал мое плечо:

– Нейтрализует свидетелей.

Мы дошли до конца коридора и спустились на гулкие плиты первого этажа. У выхода лежали двое в форме тюремной охраны. На плацу расстрельная команда, которую я недавно видела чистенькой и заряжающей оружие, беспорядочно валялась на земле. Яркие красные струйки растекались по щелям между плитами мостовой, подползая к канавкам у краев плаца. Мой похититель, перешагивая подергивающиеся остывающие тела, направил меня к флайеру. Сквозь предупредительно открытый люк я видела других людей в черной форме и зеркальных масках и их пистолеты с утолщениями глушителей на стволах. Друзья они или убийцы? Разобраться мне не дали времени. Грубые руки, ухватив за плечи, втащили меня внутрь. Они еще пристегивали меня к сиденью, а мы уже были в воздухе и разворачивались над зубчатой тюремной стеной, уходя в чистое небо, которое я созерцала последние шесть месяцев.

Глава 3

Злая Собака

Я наблюдала, как капитан Констанц осторожно спускается по скользким ступеням от храма. Часть внимания была занята ею, но я воспринимала картину шире. С десятой световой секунды над головой Салли мне была видна не только экваториальная пустыня, но и пыльные нашлапки льда на полюсах планеты. Кроме того, я отслеживала все движущиеся в системе объекты – каждый ледяной осколок, каждый камешек и четыре тугодумных туристских судна, продвигающихся к космопорту на краю пустыни и выходящих из него. Я благодарила судьбу, что сейчас я самый большой и тяжело вооруженный корабль на данном участке: с полностью обновленной оборонительной системой, в которую добавили три батареи противоракетных орудий и усиленную броню обшивки. Двигатели у меня были отлажены, внутренние системы перегружены, причем мне позволили сохранить часть боевых модификаций, которые я создала при подготовке к бою с братом в далеком мавзолее под названием Галерея. Конечно, старейшины Дома Возврата не разрешили восстановить весь спектр вооружения боевого крейсера. Я не получила боеголовок с антиматерией, осталась без квантового подавителя и мощных аннигиляторов, а уж о химическом и биологическом оружии и говорить нечего, даже паршивой крысиной бомбы не оставили. Однако мне дали возможность отремонтировать и водрузить шесть орудийных башен с рельсовыми пушками, один продольный мазер и семь полностью заряженных торпедных установок с термоядерными боеголовками. Смертоносных клыков военного корабля я лишилась, но сохранила когти, достаточно острые и крепкие, чтобы основательно потрепать всякого, угрожающего жизни и благополучию моей команды.

Моей команды.

В качестве тяжелого крейсера и строевого корабля меня натаскивали уважать и защищать команду, но не ценой успеха операции. Я любила ее, но не оплакивала боевых потерь. Предусловленная агрессивность и волчья верность стае закрепили во мне привязанность к тем, кого я считала братьями и сестрами, – к пяти кораблям класса «хищник». Из них трое погибли на войне, двое других атаковали меня в битве Галереи, и мне, защищаясь, пришлось уничтожить одного, разорвав узы, завязанные еще в лаборатории, где нас выращивали. Та схватка сблизила нас с капитаном Констанц сильнее прежнего. Мы стали сестрами по несчастью и раскаянию. Нам обоим довелось столкнуться с превосходящими силами и убить, чтобы уцелеть. И вот я, неожиданно для себя, обнаружила, что моя верность теперь принадлежит ей и другим членам моей команды: бывшей десантнице Альве Клэй, студенту-медику Престону Мендересу и технику-драффу Ноду. Обратившись против прежних собратьев, я взломала условные рефлексы и нашла себе новую стаю, а с ней новый набор ценностей.

И теперь меня подмывало что-нибудь предпринять – лишь бы нарушить однообразие отпускного круиза. Мне хотелось улететь в такую даль, в какую донесут мои двигатели, стрелой пронестись над галактическим диском и вонзиться в высшие измерения.

Лучи звезд покалывали мою обшивку. Газовый гигант в трех световых минутах от меня висел в черноте космоса, как спелый плод. Я слышала пение его магнитных полей, ощущала вкус выброшенных им паутинных пряжей водорода и метана – заблудших молекул, сорванных с великанской атмосферы планеты приливными течениями его колец и спутников.

Мы правильно сделали, что явились сюда почтить память Джорджа. Капитан в этом нуждалась. Ей требовалось поставить точку. А я чувствовала лишь мимолетное сожаление. Мне не доставало Джорджа, однако он погиб, когда еще были в силе мои прежние рефлексы, и потому я не сумела пережить ощущения, близкие к подлинному горю.

Но меня интересовала женщина, чья кончина над храмовой лестницей полтора десятилетия назад обеспечила стволовые клетки, из которых вырастили мои органические компоненты.

В некотором смысле я была ею, и мне хотелось почтить эту связь. Я узнала ее имя и лицо – и даже добилась доступа к ее военному досье, – и все же, глядя сверху на плоскогорье, где она умерла, я видела лишь пыльные камни.

Я, машина войны, не предназначена размышлять о смерти – только причинять ее.

Глава 4

Сал Констанц

Пока я добиралась до подножия храмовой горы, небо успело окраситься в предвечерние тона свежескопченной форели, а ноги мои консистенцией и прочностью сравнялись с вареной спаржей. К счастью, до арендованного пылехода было недалеко, я нашла его в тени склона ровно там, где оставила. Рюкзак я закинула назад, а сама уселась на переднее сиденье и погрузилась в блаженство: не надо больше держаться на горящих огнем ступнях. Космопорт лежал милях в ста на западе, в сторону заходящего солнца, и мне после целого дня под бесконечными распахнутыми небесами пустыни хотелось одного: вернуться на «Злую Собаку», в привычную тесноту ее кают и переходов.

На секунду я закрыла глаза.

Я едва не потеряла ее. Джордж погиб по моей вине. Не случись мне предотвратить новую войну и вернуться из битвы хромой, зато во главе миллионной армады, меня бы лишили корабля – и я бы никого за это ничуть не винила.

Мысль о Мраморной армаде вызвала в памяти встречу с недоверчивым туристом на вершине горы. Его слова прозвучали для меня неожиданно, но я чувствовала, что могу его понять. Тогда в Галерее, в окружении превосходящих сил противника, внезапное вмешательство армады представилось мне чудом. Но сейчас я понимала, что чужой флот такой мощи должен нервировать тех, кто не был со мной в тот критический момент, и особенно участников войны Архипелага, свидетелей масштаба кровопролитных сражений между многократно меньшими флотами.

– Встретить тебя в порту? – нарушив мои размышления, спросила через имплантат «Злая Собака».

– Давай.

Я растянула и сняла туристские ботинки, отлепила от стоп носки и побросала все назад, к рюкзаку.

– Только учти, что мне еще часа два до города, – добавила я, а сама растопырила пальцы на ногах, упиваясь относительно прохладным воздухом в тени горы.

– Престон и Нод на борту. Связаться с Альвой?

– Не надо. – Коснувшись джойстика, я направила тупой нос машины к горизонту. – Мне хочется первой с ней поговорить.

– Соединить вас сейчас?

– Нет, спасибо. Нам лучше побеседовать лично.

– Думаешь, она все еще сердита на тебя?

В вопросе не прозвучало ни интонаций, ни намека. Кабина пылехода была открыта всем стихиям, поэтому я старательно замотала шелковым шарфом рот и нос и защелкнула пряжки ремней безопасности.

– Скажем так: нам надо разобраться.

Мы с Альвой Клэй после выхода со станции Камроз почти не говорили друг с другом. Она при расследовании гибели Джорджа свидетельствовала против меня, но ведь Джордж дружил и работал с ней дольше. И она все еще была в бешенстве из-за обстоятельств его смерти: тварь со щупальцами-бритвами уволокла медика в море, мы и опомниться не успели.

Педали газа и тормоза приятно холодили мои босые подошвы. Я подключила винты, нажала на газ, и машина послушно рванула с места, петушиным хвостом вздымая за собой песок и щебень.

На пути через бесплодные земли, отделявшие столовую гору от порта, я мысленно вернулась к минуте, когда мне сообщили, что освобождают от дисциплинарных взысканий за гибель Джорджа.

В офисе посланника Одома на станции Камроз все осталось как в прошлый раз, перед моим отправлением к Галерее, до событий в той жуткой далекой системе. Те же медузы вели бездумное зыбкое существование в угловом аквариуме. Картины на безупречно белых стенах все так же изображали старинные, похожие на пулю корабли. Да и сам Одом выглядел точно тем же скрупулезным чинушей, как при прошлой нашей беседе. Станция Камроз пока что поддерживала статус-кво, и только я переменилась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Одом.

– В порядке.

– На слух звучит без особой уверенности.

– Буду в порядке.

Я провела две недели взаперти в отведенной мне квартире, где нечем было заняться, кроме мыслей. Зная об этом Одом нахмурился. Мой ответ его явно не убедил.

– Пойми, никто не винит тебя в случившемся в Галерее, – заговорил он, приглаживая кончики усов большим и указательным пальцем. – Ситуация была сложная. У тебя не оставалось иного выхода.

– Я убила человека.

– Тебе пришлось, – со вздохом поправил меня Одом.

Я покачала головой:

– Все равно это неправильно.

Он склонился ко мне и положил на стол ухоженные ладони.

– Ты готова вернуться к работе?

Прямой вопрос застал меня врасплох.

– Я остаюсь на должности?

Одом серьезно взглянул на меня:

– Хороших капитанов постоянная нехватка. Тем более – капитанов с личным опытом сотрудничества с нашими новыми союзниками.

Он, конечно, имел в виду Мраморную армаду. Я устала на свои короткие обкусанные ногти.

– Чего вы от меня ждете?

– «Злую Собаку» отремонтировали, – сказал он. – Мне бы хотелось отправить вас с ней в отпуск. Проверишь, все ли работает как следует.

– А Джордж Уокер?

– А что с ним?

Я ощутила трепыхание бабочек в груди.

– Вы забыли, что он погиб в мою вахту? До всех этих дел вы собирались отдать меня под трибунал за халатность.

Мне с большим трудом удалось произнести это ровным голосом.

Одом пососал седеющий ус.

– Учитывая последние события, старейшины Дома сочли, что тебе следует предоставить второй шанс.

– Несвойственное им великодушие.

Пропустив сарказм мимо ушей, Одом заключил:

– Мы проведем по Уокеру панихиду, как и по тем, кто отдал жизнь в Галерее. А в твоём досье навсегда останется черная метка.

– И все?

Хороший человек погиб из-за того, что я пренебрегла своими обязанностями. Должно было последовать наказание.

– Ты хочешь оставить пост? – сощурился Одом.

У меня пульс забился в ушах. Стало трудно дышать.

– Нет.

Джордж был бы против моей отставки, он считал бы такой выход трусостью. Но уж точно я заслуживала не легкого шлепка.

Одом развел руками:

– Тогда советую найти способ оставить прошлое за спиной.

Я почувствовала, как пальцы сжимаются в кулаки.

– Это приказ?

– Тебе нужен приказ? – Он активировал встроенный в столешницу экран. – Как я уже говорил, «Злая Собака» отремонтирована и переоборудована. Почему бы вам с ней не попутешествовать? Если надо, получишь пару свободных недель, а когда вернетесь, поговорим.

– Есть, сэр.

Я никак не могла перевести дыхание. Руки и ноги тряслись. Я неуклюже поднялась с места.

– И еще, Салли...

Я задержалась у дверей, услышав, как стукнуло сердце.

– Что?

Одом пару секунд смотрел на меня, потом перевел взгляд на экран в столе.

– Ты побереги себя, хорошо?

В город я въехала в темноте. «Злая Собака» сообщила, что Клэй находится в малопочтенном питейном заведении поблизости от доков. Я вернула машину арендной конторе и пешком прошла по узким улочкам. Дома здесь были приземистыми и солидными, как бункеры из песчаника. Бар располагался под лестничным пролетом в подвале бывшего склада. Клэй сидела на табурете у дальнего конца оцинкованной стойки, пила в одиночку. Свет был тусклым, а клиенты предпочитали уединение. В таких местечках умение не совать нос в чужие дела – вопрос выживания. Тем не менее я, пробираясь через зал, чувствовала на себе взгляды.

Клэй подняла глаза, когда я оказалась совсем рядом.

– А, вернулась? – не слишком внятно протянула она.

– Вернулась.

Я размотала шарф и сдвинула очки на макушку. Клэй допила и толкнула стакан по стойке. Запашок барракудовой травки из кабинок отчасти скрывал назойливую вонь чеснока и пролитого пива.

– Как тебе храмы?

– Хороши. – Я отряхнула грудь и плечи от пыли. – Думаю, Джорджу бы понравились.

– Не сомневаюсь.

Она подала знак бармену, чтобы налил по новой. Татуировки на ее руках масляно блестели в тусклом свете – горящие деревья и объятый пламенем шарик планеты. Они навели меня на вопрос:

– Как там было в джунглях?

– На Пелапатарне?

– До бомбардировки. Какие они были?

Я, занятая командованием медицинским фрегатом, видела планету только с высоты. Альва Клэй, десантница, была внизу.

Она нахмурилась, словно с трудом припоминала, и, немного поразмыслив, сказала:

– Честно говоря, по-своему красиво. А с другой стороны, чудовищно и жутко.

Ей подали новый стакан, и она раскрутила его, свет замерцал в глубине желтоватой жидкости.

– Влажность, конечно, зверская, – добавила Клэй. – Воздух под сводами леса почти неподвижен. Такой густой, будто супом дышишь. Словно бог в летний день запихнул тебя под мышку. Зато деревья... – Она надула щеки. – Деревья – другое дело. Жаль, что ты их не видела. Те, что побольше, в полкилометра высотой и толстые, как небоскреб. Некоторым исполнился миллиард лет.

– Впечатляло?

Она уставилась на меня пустым взглядом, без надежды, что я пойму.

– Все масштабы неправильные. Мы там выглядели муравьями. – Тыльной стороной ладони она вытерла нижнюю губу. – Слышно было, как деревья разговаривают друг с другом. Как бы вздыхают, понимаешь? Шепчутся. Но мы не могли разобрать, о чем это они. Мы не знали даже, замечают ли нас. Просто они бормотали день и ночь напролет, так что ты уже сомневался, настоящие это голоса или у тебя в голове.

– Но ты сказала, там было красиво?

Сначала я подумала, что она не услышала: уставилась себе под ноги. А когда снова заговорила, мне пришлось напрячь слух.

– Я помню вечера, – тихо произнесла Альва. – Мы копали ячейки между корнями. Воздух не становился прохладней, но свет был мягче, понимаешь? И сильнее пахло джунглями. Этот дух чуть не сбивал с ног. Земля, гниющие листья и собственный пот вместе с ружейной смазкой и запахом бобов от портативной печки. – Она поморщилась. – А в иные ночи между стволами протягивались оранжевые нити трассирующих снарядов. Подсвечивали все. В верхних ветвях гонялись друг за другом дроны-невидимки. Над кронами иногда слышен был рокот транспортного самолета, но неба не видно. Только треклятые...

Она не закончила фразу, повесила голову. Я ждала продолжения, но Альва, как видно, опомнилась. Она встрепенулась, словно отгоняя воспоминания, и подняла на меня хмурый взгляд.

– И какого черта я тебе все это рассказываю? – с неожиданной злобой проговорила она. – Разве ты поймешь? Тебя там не было. Ты была в безопасности, в небесах.

В баре стало тихо. Посетители ощутили повисшее напряжение.

Я нарочито сдержанно сказала сквозь зубы:

– Мне своего хватило.

– Да что ты видела! – фыркнула Клэй.

– Ну и ладно. – Я сползла с табурета и оперлась одной рукой о стойку. – Только если бы не я, ты бы там внизу и осталась.

Клэй насупилась. Понимала, что я права.

– Ты затем пришла, чтобы это сказать?

– Нет. – Я поцокала по стойке ногтями. – Мы уходим. Стартуем сегодня ночью. Ты не передумала?

Она откинулась на табурете, пытаясь поймать меня в фокус:

– Ты же знаешь, что я свидетельствовала против тебя? Насчет Джорджа.

– Знаю.

– И что, без обид?

Дышала она, как перегонный аппарат.

Я пожала плечами:

– Ты в команде, если хочешь остаться.

Клэй обдумала мои слова и спросила:

– Отправляемся по конкретному делу? Или просто бежим?

Бармен подвинул к нам две рюмки прозрачного алкоголя. Клэй взяла, я вторую не тронула.

– Я ни от чего не бегу, – возразила я.

Альва нахмурилась, силясь донести рюмку до рта, не расплескав.

– Все мы от чего-то бежим, – сказала она и громко глотнула. – Таким, Сал, как ты и я, нигде нет места. Где бы мы ни были, мы всегда одним глазом косим на выход, одной ногой за дверью.

Допив, она встала, с шумом отодвинув табурет, и заявила:

– Мы как акулы. Нам надо все время двигаться, чтобы не задохнуться.

Глава 5

Джонни Шульц

«Душа Люси» врезалась в каменный бок древнего нимтокского корабля. От удара треснула обшивка. Хребет у нее вспучился, термошиты порвались, а потом она свалилась с огромного судна, как жучок падает с ветрового стекла. Виртуальные экраны в рубке вспыхнули и погасли. Потолок прогнулся, с покалеченных панелей управления посыпались искры, воздух наполнился дымом горящего пластика.

Я обвис в ремнях безопасности. Шея болела. Оставшись без большей части наружных камер, я словно ослеп и не понимал, где нахожусь и в каком состоянии корабль. Единственный уцелевший экран показывал далекие звезды пустого космоса. Я оглянулся на Вито. Атака застигла его врасплох, пилот забыл пристегнуться. Без удерживающих на месте ремней его выбросило вперед и ударило о панель. В волосах у него была кровь, шея неестественно вывернулась. Отстегнувшись, я пополз к нему, думая оказать первую помощь, но, добравшись, понял, что он уже мертв. Не хотелось оставлять его так – я перетащил тело в кресло и пристегнул. Голова Вито тошнотворно моталась на сломанной шее, но тут я мало чем мог помочь, кроме как бережно откинуть ее на подголовник. Я коснулся его щеки.

– Корабль!

– Да, дорогуша?

Экран треснул, но детские черты «Люси», хоть и искаженные, еще можно было различить.

– Рапорт об ущербе.

– Тебе не понравится.

– Маневрировать можем?

– Нет.

– А что с воздухом?

За ее плечом нарисовался план палубы. Несколько отсеков мигали красным.

– Утечка в десятке мест. Я постаралась изолировать поврежденные отсеки, но все же воздуха уходит больше, чем мне хотелось бы.

– Потери?

– Сожалею, мы потеряли троих, включая мистера Аккарди.

– А кто еще двое?

– Янсен и Монк. Они при ударе находились в грузовом отсеке. Были не пристегнуты.

– Черт... – Я потер лицо ладонями. – А что с «Неуемным зудом»?

– Только поверхностные повреждения. Мы сбили несколько камешков. Он этого даже не заметит.

Я судорожно выдохнул. Почему все сразу пошло кувырком?

– А как с главным? Лететь сможем?

– Зависит от того, что ты понимаешь под словом «лететь».

Мне представилась атаковавшая нас тварь – черная, как космос, шкура, блестящие звездочки зубов. Не хотелось бы снова с ней столкнуться, тем более на поврежденном корабле. Но что еще остается?

– До дома доберемся?

Если бы сейчас развернуться и очертя голову броситься обратно к цивилизации, мы бы еще выкарабкались. Потеряли троих, но остальных бы спасли.

– Нет, дорогуша. Корпус ненадежен. При попытке маневрировать развалится.

Я обмяк в кресле от навалившейся вдруг невыразимой усталости. Шея болела, и саднили ушибы, нажитые у трапа.

– Что будем делать?
Аватара подняла бровь:
– Это риторический вопрос, милый, или ты серьезно запрашиваешь у меня рекомендации?

– Seriously запрашиваю.

Девочка на экране вздернула подбородок:

– Ответ прост, Джонни. Команде надеть скафандры и эвакуироваться.

Я моргнул от неожиданной перемены тона:

– И куда мы денемся?

Ее образ ласковой младшей сестрички сменился на строгую учительницу.

– В момент удара мы двигались не по прямой, – сообщила она. – Врезались под тупым углом, по касательной. – (На экране рядом с ней возникла анимированная схема.) – Удар нас отбросил, но сейчас мы летим более или менее в ту же сторону, что и «Зуд». Курсы, правда, постепенно расходятся, но еще четыре или пять часов расстояние между нами можно будет преодолеть с использованием маневровых ранцев.

– Ты предлагаешь держаться первоначального плана? Перескочить на «Зуд» и вломиться внутрь?

– В сущности, да. Хотя нимтокцы этого не одобряют.

– Они ничего не одобряют, но у нас, очевидно, нет другого выхода?

«Душа Люси» загадочно улыбнулась:

– Может быть, и есть.

– Ты о чем?

Схема за ее плечом раздвинулась, захватив несколько звезд по краям.

– В этой части пути от «Неуемного зуда» до Общности всего один световой год.

Красный пунктир обозначил пределы человеческого пространства.

– Да, – кивнул я, – потому он и выглядел такой легкой добычей. Но в скафандре световой год не преодолеешь.

– А вам и не надо. Границы здесь расплывчаты, юрисдикции перекрываются.

Юрисдикции... Я, кажется, понял, на что она намекала.

– Мы можем вызвать Дом Возврата!

– Попробовать стоит.

– Во всяком случае, от них скорее дождешься сочувствия, чем от нимтокцев, – заключил я, и у меня словно гора с плеч свалилась. – Спасибо, корабль. Прошу отправить сигнал бедствия.

Проносившийся через высшие измерения сигнал за несколько часов достигнет ближайших миров человечества. А там останется только ждать, пока к нам доберется спасательное судно, – ждать пару дней, если повезет, а если нет, то пару недель.

– Уже послала, дорогуша, – сообщила аватара и нахмурилась. – Но все быстро разваливается. Неизбежны системные отказы. Вы уж поспешите.

Интерком не работал. Я попрощался с Вито и, торопливо подхватив свою кожанку, на дрожащих ногах побрел в жилой отсек.

Эддисон встретила меня в дверях.

– Ну и видок у тебя, – с порога заявила она. – То ли к черту в зубы, то ли сейчас оттуда.

Я собирался сказать о Вито, Монке и Янсене, но не нашел слов. Просто проскользнул мимо нее в столовую, где Дальтон оказывал помощь Сантосу.

– Как нога, кок?

Сантос зыркнул на меня из-под насупленных бровей:

– Обеду конец, компанеро.

Я прошел к столу. Он был привинчен к полу, а вот ножи и вилки разбросало по всему полу.

– Идти сможешь? – Голос у меня охрип. – Нам надо убираться.

Дальтон поднял взгляд. Он в свои шестьдесят два был среди нас старшим и ходил на торговых судах, когда я еще на свет не родился.

– Эвакуация? – озабоченно спросил медик, сознавая, как опасно покидать корабль в такой дали от дома.

Он знал, как я привязался к «Душе Люси», но тоже понимал, что атака может в любой момент повториться.

– Похоже, выбора у нас нет, – сказал я и услышал зловещий треск стены. – Мы теряем воздух, а корпус еле держится. Собирайтесь. Помогите Сантосу, если сам не справится. Выходите в шлюз. Через пять минут всем быть в скафандрах.

Я обернулся к Эддисон:

– Где остальные?

– Келли в трюме с Генри, Чет еще в машинном, – доложила она и, оглядевшись, спросила: – Ты не сумел связаться с Янсеном или Монком?

Я покачал головой:

– Они остаются.

– А Вито?

– Он тоже.

– Черт, черт, черт!

– Это да. – Я посмотрел на Дальтона с Сантосом. – Так, вы двое, берите коммуникатор – и к шлюзу. По дороге постарайтесь подобрать Келли и Генри. Рили, ты со мной.

– Куда мы? – спросила Эддисон.

Я защелкнул на руке браслет коммуникатора и натянул на себя куртку.

– За Четом.

Глава 6

Она Судак

Флайер уносил нас на север, над солончаками и невысокими холмами к побережью, где холодные травянистые пустоши сбегали к плотной и серой, как цемент, воде.

Боковой люк остался открытым, и с шумом врывающийся в него ветер не позволял разговаривать. Не имея возможности обратиться к сидевшим рядом вооруженным людям, я постаралась расслабиться и выровнять дыхание. Пока что смерть прошла мимо. Если бы похитители хотели меня убить, застрелили бы в камере, как несчастного Бервика, или, набрав высоту, выбросили бы из открытого люка. Однако меня зачем-то оставили в живых, и можно было только молиться, чтобы предназначенное мне будущее не оказалось хуже встречи с расстрельной командой. Хладнокровие, с каким эти люди казнили персонал тюрьмы и заключенных, не оставляло сомнений, что столь же беспощадно они покончат со мной, окажись я бесполезной.

Я вспомнила Адама – молодого любовника, погибшего в Галерее. Мальчик пожертвовал собой, спасая меня. Что бы он подумал о происходящем сейчас? Что подумал бы обо мне?

От свежего морского воздуха у меня затрепетали ноздри. Море пахло свободой, и этого хватило, чтобы в груди затеплился уголек надежды.

Что бы ни было впереди, от вынесенного судом приговора я ушла, а солдаты, вызванные для моей казни, уже убиты. Отныне каждый мой вдох сам по себе был победой, и каждая секунда в этом флайере уносила меня все дальше от камеры, в которой я прозябала двадцать четыре часа в сутки жалкими одинокими неделями.

Трибунал надо мной привлек всеобщее внимание. Адмиралы, принявшие решение о зачистке Пелапатарна, без шума ушли в отставку, свалив всю ответственность на мою голову. От первоначального приказа из штаба не осталось и следа, ни крупинцы доказательств, что он исходил не от меня. Я в критический момент командовала флотом, значит я и виновата.

Закон Конгломерата предусматривал высшую меру наказания, но ее не одобряли и редко приводили в исполнение. Власти, не желая пачкать руки в крови, полагали более гуманным ссылку. Зачем казнить человека, доказывали они, когда можно выслать его на пограничные планеты и использовать как рабочую силу для построения новых поселений. Убийц, насильников, растлителей запикивали в дырявые транспортные корабли и сплавляли на окраину космического пространства Конгломерата. Но бывали преступления слишком чудовищные и устрашающие, чтобы платить за них простым изгнанием. Мне ставили в вину уничтожение целой биосферы, убийство девятнадцати тысяч военных и четырехсот тысяч некомбатантов, а также геноцид пятнадцатимиллиардной расы разумных деревьев.

Заседание длилось не дольше часа. После зачитания приговора и предъявления доказательств суд из семи офицеров и уорент-офицеров за пять минут признал меня виновной по всем статьям. Мое бегство после сражения и три года, прожитые под чужим именем, дополнительно убедили их в том, что я в ответе за все преступления.

Оставалось ждать только, когда определят способ моей смерти.

Я увидела, что мелководье под нами переходит в глубокие воды. В Галерее я два дня проторчала в летающем ящике, пока мою судьбу решала пятитысячелетняя технологическая цивилизация. Я знала цену терпению и воспользовалась полученным временем, чтобы умом и телом подготовиться к тому, что предстояло впереди.

Сердце у меня частило. Отвернувшись от бегущей под флайером ряби волн, я закрыла глаза и приказала себе расслабить плечи. Дыхание замедлилось, кулаки разжались. Я – капитан флота Конгломерата. Утром я готовилась взглянуть в лица солдат расстрельной команды и теперь, что бы ни ждало в конце пути, встречу его с тем же достоинством и выдержкой.

Когда я открыла глаза, четверо, сидевшие со мной рядом, натягивали дыхательные маски. Закончив, женщина напротив наклонилась ко мне и нацепила такую же на мой нос и рот. Я попыталась спросить, что она делает. Подобные флайеры использовались только на малых высотах, куда ниже уровня, на котором мог потребоваться кислород. Вряд ли она расслышала мой приглушенный резиновой маской голос, но все же ткнула пальцем вниз, в шиферно-серые воды за открытым люком, а потом вернулась на место и затянула ремни. За ее зеркальными защитными очками не разглядеть было выражения лица. Остальные тоже пристегивались, и я, наблюдая за ними, ощутила легкую тревожную дрожь.

Как только все закрепили ремни, флайер лег на левый борт и широким плавным виражом стал сбрасывать высоту. Вода поднималась в направлении к нам. Мне был виден откинувшийся по крену пилот впереди. Он действовал спокойно и обдуманно.

Такие флайеры не держатся на плаву. Он что, задумал сесть на воду?

Я дернулась, натянув ремни:

– Вы с ума сошли!

Они молча обернулись на мой крик, обратив ко мне пугающе непроницаемые серебристые стекла очков.

Нас трепало ветром.

Взвыли моторы.

И океан, рванувшись навстречу, закатил нам оплеуху.

Глава 7

Сал Констанц

Альва Клэй была со мной, когда мы вышли из бара и двинулись в направлении главного порта. Солнце давно село, и над головой жестко блестели пустынные звезды, но от песчаниковых стен и утопанной земли под ногами еще лучился жар. Мы молчали. Нам особо и не о чем было говорить. То, что стояло между нами, осталось колючим и хрупким, как надбитая яичная скорлупа. И вот мы шли в настороженном, но дружеском безмолвии – нам пока хватало того, что идем мы одной дорогой.

По обе стороны улицы торговали с лотков едой, сувенирами и туристским снаряжением для пустыни: тонкий ручеек паломников и путешественников тек к горным храмам. В воздухе стоял жирный запах жареного лука. Звучали призывы разносчиков и болтовня торговцев. Горели фонари. Из динамиков неслась музыка. Полотняные навесы хлопали, как обвисшие паруса, – их раздувал сухой ветер, подбравшийся украдкой из пустыни.

На полпути к порту мы услышали взлет челнока, завывавшего подобно неупокоенной душе. Клэй остановилась полюбоваться на голубой огонек выхлопа.

– Извини, что так накинута на тебя, – сказала она. – Ты застала меня в неудачный день.
– Ничего.

– Нет, ты не поняла.

Челнок был теперь не ярче искорки, но она все так же смотрела вверх, когда произнесла:

– Завтра был бы восьмой день рождения моей дочери.

– Не знала, что у тебя есть дочь.

– Уже нет.

Она сказала это так буднично, что я с трудом нашла слова для ответа:

– Как это случилось?

– Ее убили в первые дни войны, – пожала плечами Альва. – Отец взял ее с собой за покупками, и оба не вернулись.

– Вот почему ты такая...

– Сключная?

– Вообще-то, я хотела спросить, потому ли ты все время на взводе, но, пожалуй, это то же самое.

Клэй обернулась ко мне, возмущенно приоткрыв рот и сжав кулаки.

– Я знаю, каково это – потерять семью, – призналась я.

– Откуда тебе знать?

– Я потеряла родителей. Совсем ребенком.

– А я – дочь! – обозлилась Альва. – Ни черта ты не понимаешь, что это такое... как это чувствуешь.

– Может, и не понимаю.

– Точно нет! – фыркнула она, отвернувшись.

– Но я рядом, если захочешь об этом поговорить.

Она совсем сникла:

– Слышь, отвали.

– Я серьезно.

– Разве разговорами поможешь?

– И все равно я рядом. Я всегда буду рядом, если нужна тебе.

Втянув голову в плечи, Клэй вздохнула и обернулась:

– Ты ведь не шутишь?

– Я спасла тебе жизнь, Альва. Значит, я за тебя в ответе.

Она как будто задумалась над этим выводом.

– Пожалуй, у тебя есть и кое-какие достоинства.

Я протянула ей руку:

– Снова друзья?

Сощурившись на мою ладонь, она пробурчала:

– Не гони лошадей.

От ее сухой полуулыбки на меня накатила волна почти одуряющего облегчения. Может, нам никогда не стать близкими, как сестры, но теперь появилась надежда, что все постепенно наладится.

– Ты ведь заметила, что за нами следят? – вдруг спросила Клэй.

– Где? – ахнула я, озираясь.

– Четырьмя лотками дальше, – ответила она, не отводя взгляда от моего лица. – Тощий сморчок, одет как местные, но у него походка шпики.

– Тот, в темных очках? Я его видела. Трудно не заметить – кто же по ночам ходит в темных очках?

– Я его не первый раз уже встречаю – слишком часто для совпадения.

Человек, которого мы обсуждали, делал вид, что перебирает бижутерию, но косился в нашу сторону, отслеживая боковым зрением. Я отвернулась, притворяясь, что просто случайно скользнула по нему взглядом, не зная, куда девать глаза в трудном разговоре.

– Как думаешь, он один?

– Сомневаюсь.

– А что, по-твоему, ему нужно? – допытывалась я.

Клэй уже шагала дальше, лениво и непринужденно.

– Присматривает за нами.

– Зачем?

– Черт его знает, капитан. А ты как считаешь?

Я тащила за ней, руки в карманах – парочка скучающих космолетчиц в поисках, чем бы заняться.

– На кого бы он мог работать?

Клэй пожала плечами:

– На Конгломерат. На внешников. Да на кого угодно.

Я нахмурилась. Мы вывели из спячки Мраморную армаду, и кое-кто преувеличивал влияние «Злой Собаки» на этот легион белых, острых, как кинжалы, кораблей.

– Может, спросить его прямо?

– Капитан здесь ты.

Я прикусила губу. Год назад я бы бросилась к кораблю и заперла за собой люк. В те времена я не выносила конфликтов. А теперь...

– Ты при оружии?

Клэй вздернула бровь. Повернувшись спиной к шпику, приоткрыла жилет, показав блестящий смуглый живот и черную рукоять пистолета «Архипелаго» за поясом армейских брюк:

– Без него я из дома не выхожу.

– Тогда давай поздороваемся.

Мы увели своего дружка подальше от освещенного многолюдного рынка, в узкий лабиринт переулков между темными складами у порта. Над нами все ярче проступали незнакомые созвездия чужого неба.

Коснувшись уха, я обратилась к «Злой Собаке»:

– Ты далеко?

– Примерно в часе пути.

– Контролируешь наше перемещение?

– Минутку... да, я вас вижу.

– А парня, который за нами увязался, видишь?

– Пометила его. Вы в опасности?

– Ну, пока нет, – улыбнулась я на ее озабоченный тон, – но ты на нас поглядывай, хорошо?

Если что, можешь срочно понадобиться.

Рядом со мной Альва Клэй встряхнула копной дредов:

– Обойдемся без орудий большого калибра.

Я кинула взгляд на выпуклость у нее под жилетом:

– Кто бы говорил.

По обе стороны от нас стояли темные запертые склады. Двери их были закрыты ржавыми металлическими шторками. Гудели холодильные установки. Из вентиляционных отверстий на крышах поднимался пар, подкрашенный огнями порта в оранжевый цвет. Из переполненных мусорных баков торчали пакеты.

Я не вынимала рук из карманов, шла, ссутулив плечи. Мы уже миновали три четверти проулка. В конце его пересекал под прямым углом другой. Уйдя по нему налево, мы остановились. Клэй обнажила оружие.

Свернув за угол, мужчина в темных очках взглянул прямо в дуло ее пистолета.

На секунду он остолбенел, разинув рот. А потом метнулся прочь и бросился обратно в проулок. Клэй, ругнувшись под нос, сделала шаг за поворот и дала предупредительный выстрел поверх его головы. В тесном пространстве щелчок отдался болью в ушах. Грохот выстрела показался ударом под дых.

– Побежишь, – крикнула Клэй, – следующий получишь в зад!

Мужчина уже остановился и повернулся к нам, держа руки перед собой.

– Ладно, – сказал он. – Я ваш.

– Кто ты такой? – двинулась к нему Альва, целясь в лоб.

Теперь, разглядев преследователя, я увидела, что она была права: он не из местных. Одет так же, как и коренные жители, в просторную полотняную рубаху, но лицо багровое. Обгоревший, облупившийся нос – признак, что нет привычки к здешнему климату.

– Я никто, – задыхаясь, выговорил он. – Простой карманник, высматривал добычу.

– Вранье.

– Попробуйте доказать обратное.

– Ни черта доказывать я не собираюсь. – Клэй повела стволом «Архипелаго». – Я держу тебя на мушке, забыл?

Шпик, похоже, слегка сдулся.

– Ладно, – признал он, – я не карманник.

Я встала рядом с Клэй и, смерив его взглядом, спросила:

– А кто? Разведка Конгломерата?

Он с улыбкой мотнул головой:

– Не угадала.

– Внешний?

– В яблочко.

Я сложила руки на груди:

– Имя?

– Вилкис.

– Это имя или фамилия?

– А это важно?

– Пожалуй, нет.

Осторожно подавшись вперед, я сняла с него очки, открыв глазные имплантаты, слабо светившиеся изумрудом в темном переулке.

– И скажите на милость, мистер Вилкис, с какой стати за нами следит агент внешников? Он заморгал, глазные линзы развернулись и сфокусировались на мне.

– А вы не понимаете?

– Догадываюсь, что это имеет какое-то отношение к Мраморной армаде.

– Естественно, – пожал плечами шпик.

– Но зачем?

Теплый ветер, пролетев по переулку, пошевелил россыпи песка и мусора. Вилкис, шаркнув, переступил с ноги на ногу.

– Вы не поставите нам в укор любопытство.

Его багровое лицо было абсолютно безволосым: ни щетины, ни бровей, ни ресниц.

– Но мы с Клэй обе внешницы, – напомнила я, – и воевали за внешних.

– Были внешницами. – Он виновато отвел взгляд. – Вступая в Дом, вы отказались от гражданства.

Я почувствовала, как горят щеки.

– Все равно мы остались кем были.

– Правда? – Вилкис поджал губы, словно взвешивая аргумент. – Давайте подумаем. Вы добровольно ушли от Внешних и теперь раскатываете на бывшем крейсере Конгломерата. В Галерее вы спасли известную военную преступницу Конгломерата и вернулись домой во главе невиданно огромного флота – флота, который, по-видимому, взял вышеупомянутый крейсер за ролевую модель.

– И что?

– А то, что власти хотят точно знать, каким влиянием на этот флот обладает «Злая Собака». – Он поднял голову. – А учитывая, что «Злая Собака» принимает приказы от вас...

– Вы полагаете, я команду армадой?

– А разве нет?

– Нет!

– И почему я должен верить вам на слово?

Стоявшая рядом со мной Альва Клэй откашлялась.

– Например, потому, – предположила она, – что здесь есть я с пистолетом «Архипелаго», а у тебя только две горсти неба?

Искусственные глаза Вилкиса обратились к ней.

– Вам ведь известно, что это оружие вне закона на большинстве планет Общности?

– А мне-то что?

Мы помолчали, глядя друг на друга. Наконец Вилкис заговорил:

– Ну и что дальше? Застрелить меня вы не можете.

– Почему это? – картинно удивилась Клэй.

– Потому что, – Вилкис коснулся пальцем виска, – эти глаза транслируют все, на что посмотрят. Если вы меня убьете, мое начальство получит видеодоказательства и вам придется податься в бега.

События раскручивались по спирали. Не дав Вилкису и Клэй необратимо увлечься перепалкой, я встала между ними:

– Никто никого не застрелит. – Я сделала знак Альве, и та неохотно опустила оружие. – Вы можете идти, мистер Вилкис. Только окажите мне одну любезность.

Он устремил вниз все еще поднятые руки:

– Какую же?

– Прошу вас передать своим хозяевам: хотя Мраморная армада действительно последовала за «Злой Собакой» из Галереи, но только потому, что эти корабли пять тысяч лет ждали,

пока кто-то их возглавит и скажет, что делать. Вернувшись на Камроз, мы немедленно передали их Дому Возврата и с тех пор не имеем с ними связи. Так что кто ими сейчас командует, спрашивайте не меня. Спросите Дом.

Вилкис склонил голову и попятился.

– О, именно это мы и собираемся сделать, – заявил он, затем вежливо кивнул Альве Клэй, четко развернулся на каблуках и решительно зашагал в сторону рынка.

Когда он скрылся из виду, я запоздало сообразила, что его очки так и остались у меня. Повертев их, я сложила дужки и сунула вещицу в карман.

– Идем, – сказала я Клэй. – Возвращаемся на корабль.

Глава 8

Джонни Шульц

Пока остальные пробирались к шлюзу, мы с Рили Эддисон прокладывали себе путь по разбитому кораблю. Прямой дороги не было: большая часть носовой секции правого борта смялась, сложившиеся гармошкой переборки перекрыли основные коридоры, а передние трюмы были теперь открыты в вакуум. Нам пришлось спуститься в кормовой трюм, чтобы через технический туннель доползти до машинного зала.

Карабкаясь по межпалубным трапам, я радовался, что со мной Эддисон. Мне очень кстати была ее непробиваемая уверенность в себе. Все кругом так быстро посыпалось, что я не успел даже перевести дыхание, не то что разобраться с потерями.

Потратив почти пятнадцать минут, мы сумели без происшествий достичь технического туннеля. Пока Эддисон откручивала винты люка, я через коммуникатор на руке связался с Джилом Дальтоном.

– Мы на месте, – доложил он. – Все в скафандрах, готовы к выходу.

– Отлично. Нам осталось проникнуть в машинный. Найдем Чета – сообщу, как дела.

– Понял. – Его голос, слепленный корабельной системой из сигнала внутришлемного микрофона, звучал монотонно и гулко. – Только один вопрос.

Эддисон отвинтила последний болт и откинула люк, открыв длинный темный ход.

– Скорее, – поторопил я Дальтона.

– Мы собираемся покинуть корабль.

– Да.

– А куда уходим? Разве вокруг не пустой космос?

Вопрос был хорошим. Я в суматохе крушения забыл ввести выживших в курс дела.

– Мы в доступной близости от «Неуемного зуда», – пояснил я. – Можем прыгнуть туда и прорезать вход внутрь, как и планировали, а там уж дожидаться спасателей.

Дальтон что-то ответил, но его голос потонул в шуме помех.

– Извини, не понял, – сказал я.

Опять шум.

– Нет, помехи на связи. Если вы меня слышите, сидите на месте и ждите от нас сигнала.

Эддисон нервно поглядывала на скрипящие стены трюма.

– Если лезть, так сейчас, – заметила она.

Я прервал связь. Палуба под ногами дрожала.

– Давай. – я указал на отверстие. – После вас.

– Ничего подобного, Хосе, – покачала головой Эддисон. – Ты у нас Счастливчик Джонни, ты и лезь первым.

Я построил ей рожицу и присел, заглядывая в проход. Шириной он был со стальной гроб. По всей длине свисали распахнувшиеся крышки панелей, из них вывалились петли проводов и кабелей.

Все мои инстинкты криком кричали: «Беги отсюда, пока корабль не развалился!» Мне меньше всего на свете хотелось застрять в узкой дыре. Особенно в этой, увешанной проводами и поврежденными трубами, готовыми устроить мне электрошок или ошпарить. Если корабль начнет ломаться, я окажусь в ловушке или меня раздавит, а если не выдержит переборка между нами и носовым трюмом, вряд ли я успею выбраться прежде, чем останусь без воздуха. Будь я один, наверное, с этого места и повернул бы назад. Но я чувствовал на себе взгляд Эддисон.

Я застегнул молнию куртки и пригладил волосы. Потер ладони и прочистил горло.

– Ну хорошо.

Вдохнув, я втиснул голову и плечи в люк. Вытянув вперед руки, в сбившейся, перекрученной куртке, я острее, чем ожидал, прочувствовал тесноту. Но не мог же я теперь струсить. Я пробовал подтягиваться, хватаясь за стенки, однако руки не нашли захвата. Пришлось ползти извиваясь, с опорой на локти.

Преодолев несколько метров, я услышал позади себя возню Эддисон.

– Осторожней тут с решеткой на стене! – крикнул я ей. – Дьявольски горячая.

– Не думай обо мне, – отозвалась она. – Главное, двигайся. Сколько можно разглядывать твои подошвы!

Мы головами вперед вывалились в машинный зал. Драфф лежал в своем гнезде, подогнув под себя все шесть конечностей. Я подполз к нему и тронул ладонью отливающие радугой чешуйки:

– Чет?

Он дернулся от прикосновения – значит, жив.

– Чет, это я, Джонни. Со мной Рили. Мы пришли тебе помочь.

Одна конечность развернулась, как разбуженная змея, подняла ко мне ладонь-лицо. Пальцы раскрылись, показав черные жемчужинки глаз и маленький ротик с чувствительными щупальцами вокруг.

– Джонни...

– Идем, дружище. Корабль разваливается. Надо уходить.

Я обхватил его, попробовал поднять, но такую тяжесть мне в одиночку было не сдвинуть.

– Чет остается, – сказал он.

Я оглянулся на Эддисон и дернул подбородком, призывая ее на помощь.

– Чет остается, – повторил драфф.

– Нельзя Четугу остаться, – пропыхтел я. – Если Чет останется, корабль бабах – и Чет умрет.

– Чет уже умирает. Протекает внутри. Скоро сон.

– Нет! – Я еще раз потянул его и, не удержавшись, завалился на спину. – Мы сумеем помочь. Но прежде надо вытащить тебя с корабля.

– Чет не пойдет. Не может двигаться. Слишком большая неисправность внутри. Нельзя починить.

Развернулась еще одна конечность, ее пальцы обхватили мое запястье.

– Но... – хотел возразить я.

– Чет возвращается к Мировому Древу, – перебил он меня. – Работа сделана, теперь отдых. – Он сильнее сжал мне руку. – Ты передашь сообщение.

Я постарался не вырываться из его хватких пальцев.

– Какое сообщение?

– Сообщение другим драффам. – Тело в гнезде совсем обмякло. Чешуйки как будто теряли блеск. – Скажи им: Чет умер.

– Скажем, – ответила Эддисон.

Чет развернул лицо к ней, как кобра, разглядывающая второго нарушителя ее владений.

– Это важно. Скажите им: белые корабли – кузены.

– Что? – смешалась Эддисон.

– Кузены, – настойчиво повторил Чет. – Очень важно сказать.

Его охватила дрожь. Где-то на верхней палубе что-то отвалилось, пустив трещины по потолку над нами.

– Я тебя здесь не брошу, – воскликнул я. – Даже если ты умираешь, я не могу так уйти и оставить тебя.

Пальцы его разжались, и он снова убрал под себя руку. Только ладонь-лицо покачивалась на виду.

– Ты им скажешь?

– Конечно. Но как же ты?

– Я доволен. – Пальцы стали смыкаться вокруг его лица, как лепестки вянущей розы. – Есть гнездо. Хорошее гнездо. Работа сделана. Вся работа сделана. Теперь сон. Спать и видеть Мировое Древо.

Лицо драффа скрылось в неплотно сжатом кулаке и втянулось в глубину гнезда. На палубу струйкой, словно перевернули песочные часы, посыпались пыль и обломки. Что-то упало на спину Чету, прозвенело по его чешуе, но он не отозвался. Я ладонью чувствовал, как замирает его дыхание. Паузы между вдохами увеличивались, пока натужные жужжащие хрипы не стали походить на усталое пыхтение паровой машины с остатками пара.

А потом прекратились.

Я пытался проглотить подступивший к горлу горячий ком отчаяния.

Эддисон тронула меня за плечо:

– Он?..

– Да.

Я убрал ладонь с остывающей спины и рукавом вытер глаза. Потолок над головой издал новый протяжный скрежещущий скрип и прогнулся в одном месте, словно под непомерной тяжестью. Эддисон опасливо взглянула вверх.

– Здесь нельзя оставаться, – сказала она.

Глава 9

Она Судак

От удара флайера о волны меня мотнуло так, что ремни впились в тело, выбив дух и соображение. На несколько секунд я забыла, где я и что происходит. Потом в кабину хлынула морская вода, и ужас привел меня в чувство. Мы тонули, а мужчины и женщины вокруг меня и не думали спасаться. Я попробовала заорать на них, но сама себя не услышала из-за дыхательной маски и шума потока.

Мы были далеко в океане, за краем континентального шельфа. Если уйдем здесь под воду, тяжесть флайера увлечет нас на самое дно – и даже дыхательные маски не спасут от нарастающего давления на такой глубине.

Я захлебнулась вдохом, чувствуя, как флайер заваливается набок, а вода, подступив к ногам, пропитывает штанины тюремной робы. Через несколько секунд мы целиком оказались под водой. Я машинально задержала дыхание. Уши заполнил гул. Маска защищала глаза, и я видела, что остальные по-прежнему неподвижно сидят на местах. Да что это с ними?

Желудок потерял вес – началось падение. Мы словно застряли в кабине затопленного лифта и проваливались в глубокую темную шахту. Я принялась раскачиваться взад-вперед в надежде растянуть прижавшие меня к сиденью ремни. Если бы успеть высвободиться, вылезти через люк и толкнуться к поверхности...

На нас легла тень, и сердце у меня в груди будто загнулось. Нас поглощал черный зев какого-то морского чудовища. Я видела, как мимо скользнули края пасти. Еще несколько секунд мы падали в непроглядной тьме, а потом с лязгом остановились.

Загорелись лампы, осветив кабину. Она опрокинулась, и мы повисли на ремнях – вниз головой. В люк я видела, что лежим мы на плоской поверхности. Послышался стук и бурчание насосов, и вода стала отступать. Ноги обсохли первыми, за ними бедра и руки. Кожу кололи иголочки холода.

Наконец освободилась и голова. Люди отстегивались и выбирались в люк, за которым их встречали дружеские объятия.

Женщина, сидевшая напротив, распустила мои ремни и вытащила меня из кресла, хохотнув:

– Неплохо прокатились, да?

Она подтолкнула меня к люку, и я выползла на четвереньках – на знакомые палубные пластины.

Передо мной стоял офицер в форме Конгломерата. Когда я поднялась на подгибающихся ногах, он отчетливо отсалютовал:

– Добро пожаловать. Я командор флота Вронский. Вы понимаете, где находитесь?

Я обвела взглядом стены:

– Предположительно, в носовом челночном отсеке фрегата класса «гиена».

– Отлично, капитан, – одобрительно кивнул он. – Совершенно верно.

Группа, устроившая мне побег, стягивала маски и очки. Десант Конгломерата выстроился у люка, ведущего из отсека в основную часть корабля.

– Но что вы делаете здесь, внизу? – спросила я, и мои руки задрожали от отсроченного шока и распада выплеснутого в кровь адреналина. – Какого черта «гиена» торчит посреди океана? И на кой нам понадобилось разбиться, чтобы добраться сюда?

– Извиняюсь за некоторую грубость доставки, – сказал Вронский, склонив голову. – Смерть буквально дышала нам в спину. Как только была назначена дата вашей казни, мы поняли, что должны вас вытащить.

Я сжала кулаки, чтобы прекратить дрожь. Морская вода капала с костяшек пальцев.

– Стрелять в священника было необязательно.

– В какого священника?

– Со мной в камере находился военный капеллан, – пояснила я, вспоминая, как смертельная пуля разворачивает беднягу вокруг себя. – Незачем было его убивать.

Вронский нахмурился:

– Нельзя было оставлять свидетелей. Но если вам от этого будет легче, ваш капеллан умер на своем посту ради блага Конгломерата. Уверен, его боги охотно его примут. Что до вас, история запомнит вашу гибель при неудачной попытке побега. Флайер разбился в море. Если станут искать, обнаружат его обломки на дне, но тела – ваши и ваших сообщников – окажутся унесены течением.

По его кивку десантник шагнул вперед и набросил мне на плечи полотенце.

– Теперь позвольте проводить вас вниз, – сказал он, – и давайте подыщем вам сухую одежду.

Двое десантников провели меня внутрь судна. «Гиены» невелики, их трапы и помещения гораздо теснее, чем я привыкла на «ятагане», которым командовала большую часть своей службы. И все же приятно было снова оказаться на военном корабле. Знакомая форма, знакомое оборудование, и даже воздух так же навязчиво и привычно пахнет горячим металлом, свежей краской, сапожной мазью и потом.

Мне выделили каюту, где дали время принять душ и переодеться в хрусткую форму капитана и оставленные на рундуке ботинки. Я не носила капитанского мундира с тех пор, как бежала из рубки «Праведного гнева» после пелапатарнского инцидента. И уж конечно, мне не позволили предстать в мундире перед судом, заменив его неряшливой тюремной робой. А теперь шершавая материя, жесткий воротничок и тяжесть знаков различия напомнили мне то, что я четыре года пыталась вычеркнуть из памяти.

Приведя себя в порядок, я изучила свое отражение в зеркале на внутренней стороне двери. Но вместо той себя, от кого я отказалась в конце войны, – более молодой версии, с которой мысленно так и не рассталась, – увидела новое лицо, лицо поэтессы в непривычной и неуместной военной форме.

Пока я разглядывала это полужнакомое лицо, в углу зеркала появилось другое. Золотистая кожа, андрогинные и поразительно чувственные черты, полные губы и прикрытые веками глаза, смотревшие на меня с надменностью юного бога.

– Добрый день, – поздоровалась я. – Как тебя зовут?

Лицо улыбнулось.

– Фрегат Конгломерата «Запутанность». Разрешите приветствовать вас на борту.

– Благодарю. – Я запустила палец за воротничок, стараясь поправить его поудобнее. – Мое имя ты, как я понимаю, уже знаешь?

– Конечно, – чуть заметно склонила голову аватара. – Но какое обращение вы бы предпочли?

Уместный вопрос. Для всего мира военная преступница Аннелида Дил погибла при крушении флайера.

Я встретила собственный взгляд в отражении зеркала.

– Можно ли мне остаться Оной Судак?

– Не вижу причин возражать.

– Хорошо.

Это имя я выбрала сама и была поэтессой три года – от битвы Пелапатарна до момента, когда сдалась властям Конгломерата.

– Тогда я буду обращаться к вам «капитан Судак».

– Спасибо.

Я одернула подол кителя, расправила складки.

– Прости, – продолжила я, – но «Запутанность» мне не припоминается. Ты служила во время войны?

– На этапе конфликта я была приписана к разведке. – Златокожая аватара лениво повела рукой. – Но об этом не имею права рассказывать.

– Ты и сейчас действуешь в том же качестве? То есть работаешь на разведслужбу Конгломерата?

Пухлые губы изогнулись в озорной улыбке.

– Думается мне, вы уже и сами догадались?

Бойцы ждали меня в коридоре. При виде мундира они вытянулись по стойке смирно, и я ответила на их приветствия.

– Проводите меня к командору, – приказала я.

Глава 10

Сал Констанц

Мы дошли до порта, как раз когда «Злая Собака» заходила на посадку.

– Хорошо смотришься, – заметила я, глядя, как она зависла над ограждением периметра.

Тяжелый крейсер, подсвеченный снизу посадочными огнями, напоминал огромную бронзовую пулю, только ее плавные обводы были нарушены пузырями первичных и вторичных сенсорных установок и оружейных систем. Своей десяти тысячетонной тушей она распугала мелкие гражданские суденышки.

– Хорошо? Что значит «хорошо»? – Взвизгнув гравитустановкой, она медленно ложилась на бетон. – Пора бы тебе усвоить, что я выгляжу великолепно!

В нескольких метрах от поля она спустила грузовую платформу. Мы с Альвой Клэй прошли по асфальту, заслоняя глаза от пыли и крупных песчинок, выбитых ее гравитустановкой, и шагнули на площадку.

По краям летного поля столпились ротозеи, привлеченные размерами «Злой Собаки». Лайнеры и торговые суда, доставлявшие в систему туристов и товары, бывали и масштабнее, однако редко входили в атмосферу, предпочитая отсылать свой груз на планету орбитальными челноками. Зрелище нависшего над портом тяжелого крейсера было здесь внове и стало бесплатным аттракционом для зевак.

Я им помахала.

Клэй показала им средний палец.

А потом мы поднялись на корабль, и я наконец позволила себе расслабиться. Три дня в пыли и зное пустыни я чувствовала раздражение и держалась настороже. А сейчас, в жилых помещениях «Собаки», напряжение отступало, как разжимается тугой кулак.

Клэй, буркнув, что честно заслужила несколько часов в койке, ушла. Я, оставшись одна, содрала с себя пропитанное пылью тряпье, сбросила очки и шарф и отправилась в свою каюту нагишом, наслаждаясь прохладным воздухом из кондиционера.

Позже, надев старую уютную рабочую форму и привычную бейсболку, я сунулась на камбуз, где застала Престона Мендереса, поедавшего овсяные хлопья в отвесах экрана цифрового учебника.

– С возвращением, капитан.

Престон сменил Джорджа на посту судового медика. К сожалению, он добился места мошенническим путем и не мог похвастать ни опытом, ни знаниями. Разрешение остаться на борту он получил с условием, что станет прилежно учиться и доведет свою квалификацию до положенного уровня. И еще потому, что я чувствовала себя в ответе за парня – после того как во избежание новых потерь в Галерее всадила снаряд в голову его папаша.

У стойки я налила себе чашку кофе и сказала Престону:

– Думаю, пора тебе как следует познакомиться с кораблем.

Он ответил мне озадаченным взглядом:

– По-моему, я уже выучил, где тут что.

Кофе был горячим и крепким, ничего подобного на оставленной планете мне пробовать не доводилось.

– Я говорю о другом.

Позвав Престона, я провела его по баранке с каютами, опоясавшей «талию» «Собаки», до маленького, не всеми используемого трапа «наверх», во внутренности корабля.

– Что там?

– Подожди, увидишь.

Металлические перекладыны привели нас в складское помещение, где раньше хранилось снаряжение приписанных к кораблю десантников. Теперь «Собака» использовала его для своих целей. Когда мы поднялись по трапу, загоревшиеся лампы осветили обширное внутреннее пространство. Вдоль белых стен тянулся двойной ряд полок, такой же двойной ряд витрин шел по центру, и все полки были заняты.

Престон завертелся, озираясь вокруг:

- Что здесь?
- Зал трофеев «Злой Собаки».
- Зал трофеев?

На дальней стене загорелся экран с корабельной аватарой. Этим утром она предстала в режиме богини, со светящейся смуглой кожей, с длинной, украшенной самоцветами серьгой в ухе и вплетенными в темные кудри золотыми нитями.

– Я бы выразилась иначе, – сказала она.

Престон разглядывал содержимое ближайшей витрины.

– Что это?

Перед ним лежал зубчатый осколок закопченного стекла, выставленный на пурпурной шелковой подушечке под прозрачной крышкой.

– Часть бывшего витражного окна в соборе Гавани Мораг, – пояснила «Злая Собака».

– Гавань Мораг? – нахмурился Престон. – Та, которую разбомбили в начале войны?

– Это была моя первая боевая операция.

– А здесь? – Он повернулся к следующей полке с кучкой блестящих серебряных жетонов, какие цепляют к собачьим ошейникам.

– В сражении у Ворот Измены я перевозила войска.

– И все это...

– Осталось от погибших.

Престон обвел комнату взглядом. С места, где мы стояли, видны были витрины с неразорвавшимися гранатами, старыми снарядными ящиками, ржавыми кортиками, детским плюшевым кроликом, боевой перчаткой со встроенным огнеметом и еще несколько предметов, не определявшихся с первой догадки.

– А остальное? – спросил он. – Все это сувениры твоей карьеры?

«Злая Собака» потупила взор:

- Нет, это не сувениры.
- А что же?
- Памятки, напоминание.
- Не вижу разницы.

Аватара прихлопнула в ладоши:

- Тебе видна предпоследняя полка?
- Та, на которой цветочный горшок?

– Это росток дерева. Он живой. Через несколько лет придется пересадить в контейнер побольше.

Я уже бывала в этой комнате и знала символическое значение каждого из выставленных здесь предметов. Сейчас я попыталась взглянуть на саженец глазами Престопа: голубовато-розовый ствол ростом с тюльпан, с нераскрывшимся бутоном на верхушке. По всей его длине дрожали тонкие волоски, а простой стеклянный террариум защищал росток от пересушенного кондиционированием воздуха.

– А он что представляет? – спросил Престон.

– Ты видишь перед собой одного из немногих уцелевших представителей пелапатарнских джунглей, – ответила «Злая Собака».

У мальчишки глаза полезли на лоб.

- Это мыслящее дерево? Я думал, они все погибли.
- Стараниями моих родичей и моими – почти все.
- Так эта комната...
- Памятник моего позора. Здесь представлены все причины моего ухода из флота Конгломерата.

Последняя полка была новой. На ней в прозрачном стеклянном кубе блестела крошечная серебряная искорка.

- А это что?
- Мне не хотелось бы говорить.
- Но...
- Мне кажется, ты еще не готов.

У Престона покраснели щеки.

- К чему не готов? Я не ребенок!
- Тем не менее я полагаю, с твоей стороны было бы неразумно настаивать на объяснении.

У парня покраснело все лицо – от стыда и негодования. Он обернулся ко мне в поисках поддержки, но я только плечами пожала:

- Тебе решать.
- «Злая Собака» мрачно взглянула на меня со стены.
- Ты бы лучше посоветовалась, прежде чем вести его сюда, – сказала она.

Я второй раз пожала плечами:

- Рано или поздно это должно было случиться.
- Позже было бы предпочтительней.
- Нет, я думаю, ему нужно с этим встретиться.

Престон слушал с плохо скрываемым нетерпением.

- С чем встретиться? – спросил он. – Что вы от меня утаиваете?

«Злая Собака» на экране закатила прекрасные глаза.

– Да ради бога! – проговорила она. – Престон, это чешуйка серебряной краски с обшивки «ятагана» твоего отца. Она отлетела от корпуса, когда мы бурили в нем дыру, чтобы убить его одиночным снарядом в голову.

Все замерло. Престон заморгал. Беззвучно открыл и закрыл рот. Пальцы его повисших рук сжались в кулаки. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

У меня самой частил пульс.

- Мы не первый месяц молчим об этом, – выдавила из себя я.

Ответом мне был лишь полный ужаса взгляд. Я протянула руку к плечу мальчишки, но он отшатнулся.

- Престон...

Он развернулся и с шумом скатился по металлическим ступеням трапа, а когда скрылся, «Злая Собака» издала вздох и произнесла:

- Думаю, теперь мы квиты.

Пришла моя очередь удивиться.

- Чем он заслужил такое обращение?

– А ты забыла? – Она вздернула подбородок. – На станции Камроз, впервые явившись на корабль, он назвал меня древностью.

- С тех пор год прошел! – схватила я за голову.

- Все равно напрасно он это сказал.

Я взвесила на ладонях стеклянный куб.

- Знаешь, иногда ты бываешь настоящей стервой.

«Злая Собака» не смутилась.

- Он первый начал, – надувшись, заявила она.

Я подняла куб с серебряной искоркой выше.

– Могла бы сообщить ему помягче. Я собиралась поговорить с ним о том, что случилось, удостовериться, что он с этим справился. Так нет, тебе надо было ткнуть его носом.

Корабельная аватара подняла брови:

– Ты хочешь сказать, я виновата?

– Могла бы не переть напролом.

– Я – военный корабль, капитан. «Переть напролом» – моя работа. – Она изобразила обиженную мину. – А теперь не вернешь ли мой куб на место?

– О, именно на место и верну, не сомневайся.

– Как это понимать?

– А так, что я выброшу его из шлюза. Престону сейчас совсем ни к чему мысль, что эта штука на борту.

Я шагнула к трапу. За моей спиной «Злая Собака» окликнула:

– Подожди!

– И не желаю больше об этом говорить.

– Я тоже. – Ее тон изменился, стал деловитым. – Я приняла сигнал с Камроз.

У меня замерло сердце. За две недели я привыкла к самостоятельности и свободе вести корабль, куда мне вздумается. Вызов из дома мог означать только, что этой свободе конец и меня возвращают на службу.

Забыв о гневе, я поставила стеклянный куб на полку.

– Дай связь.

Глава 11

Джонни Шульц

Больно было бросать Чета, но ничего другого не оставалось. Эддисон верно сказала: помятый корпус мог в любую минуту рассыпаться, и тогда всем конец. Надо было возвращаться к команде и влезать в скафандр, пока не вышел весь воздух для дыхания.

Я пропустил Рили вперед. Корабль она знала не хуже меня и еще умела принимать решения под нажимом и тотчас их выполнять. Если кто и найдет выход, так это она. Вздумай я разыгрывать ведущего, мы бы так и застряли в машинном. В обычных обстоятельствах я бы назвал себя человеком напористым, но обстоятельства были далеко не обычны, а потери – сначала Вито, за ним Янсен и Монк, теперь Чет – слишком быстро следовали одна за другой и слишком меня подкосили, чтобы я полагался сейчас на собственные суждения. Мне нужно было время опомниться от удара.

Мы карабкались по разбитым трапам, протискивались мимо искореженных механизмов, а корабль вокруг нас все стонал и содрогался. Я чуть не плакал. «Душа Люси» заслуживала лучшей участи. И Чет, и остальные тоже. Но я ничем не мог им помочь и потому, тяжело переставляя ноги, скрепя сердце продвигался вперед, до самого шлюза.

Все уже приготовились к эвакуации, и нам с Рили досталось не так уж много места. Наши скафандры висели в шкафчиках, как содранные с привидений шкуры. Вытащив их в коридор, мы помогли друг другу одеться. Я с великой неохотой распрощался с кожанкой, аккуратно положив ее на палубу. Потом мы присоединились к товарищам и закрыли внутреннюю дверь шлюза.

– Проверка связи, – сказал я в шлемный микрофон. – Все меня слышат?

Пять голосов подтвердили связь. За изогнутыми щитками шлемов я видел испуганные глаза. Все скафандры были разных моделей. Охранница Келли стояла в качественном армейском, с бронеовой защитой торса и конечностей; у Дальтона был стандартный оранжевый костюм медика, а у Сантоса – громоздкий голубой, весь в заплатках и на вид еще старше, чем по счету лет. Скажи кок, что это фамильное наследство, я бы поверил. Только наш бухгалтер Генри Бернارد щеголял в новеньком скафандре, особенно выделявшемся на фоне других отсутствием пятен и потертостей.

– Где остальные? – спросил Генри.

Я не сумел выжать из себя ответ.

– Здесь все, кто есть, – сказала за меня Эддисон. – Так, маневровые ранцы с собой?

Келли с Дальтоном подняли большие пальцы. У каждого из них за спиной висела рама с газовыми соплами по углам. В норме один из ранцев взял бы я, но сейчас он был нужнее Дальтону, чтобы помочь в прыжке раненому Сантосу. Остальным предстояло пристегнуться тонкими корабельными тросами – линиями – к Келли, которая и перетянет нас на «Неуемный зуд».

– А резак взяли? – спросил я.

Сантос, привалившись к стене шлюза, оберегал пострадавшую ногу.

– У меня, шеф, – похлопал он по цилиндру с инструментами.

– А оружие?

– При мне. – Келли показала полотняный мешок. – Все винтовки плюс боеприпасы, сколько влезло.

– Спасибо.

Я наклонился к Сантосу и забрал у него сумку с резак. Хромому, ему было ее не донести.

Выпрямляясь, я заметил, с каким сомнением Дальтон уставился на Келли.

– Думаешь, нам понадобится вся эта артиллерия? – спросил он. – В смысле, корабль же вышел из строя. Ты ждешь сопротивления?

Лена Келли наградила его взглядом, в котором можно было охлаждать пиво.

– Ты, Джил, занимайся своим делом, – посоветовала она, – а мне предоставь мое.

По палубе под нами прошла дрожь.

– Давайте-ка открывать наружную дверь, – сказала Рили.

Я велел Бернарду с Эддисон привязаться к Келли, а Сантосу прикрепить свой буксир к Дальтону, после чего повернулся к панели и ввел пароль. Из шлюза высосало атмосферу, люк отполз в сторону, открыв пятно колюче-ярких звезд. Мы в своих разноразмерных скафандрах двумя связками вывалились во вселенную.

Минуту или около того я слышал только свое дыхание. Потом сумел взять себя в руки. Мы с Эддисон и Бернардом были в связке с Келли, а она управляла двигателями маневрового ранца, пытаясь выстроить нас в цепочку. В нескольких десятках метров от себя я видел медика, осторожно буксировавшего Сантосу.

Я оглянулся на «Душу Люси». Столкновение с огромным кораблем смяло весь правый бок от носа вниз и пустило трещины вдоль хребта. Целые секции обшивки отвалились, окружив разбитое судно облачками замерзшего воздуха и обломков. Стыдно и горько было видеть ее в таком состоянии. Она была мне домом, кормилицей и другом, а я так ее подвел.

Рывок троса развернул меня лицом к «Неуемному зуду». В противоестественной прозрачности вакуума мне видны были все выбоины и выступы на его угольно-черном боку, заслонившем, казалось, полнеба. В глубине его кратеров горел тусклый свет. Торчавшие над поверхностью оплавленные купола и антенны напоминали раковые опухоли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.